

Пока я ещё помню себя

Рия Кобальт

Рия Кобальт

Пока я ещё помню себя

«Автор»

2026

Кобальт Р.

Пока я ещё помню себя / Р. Кобальт — «Автор», 2026

Элиас — сценарист, которого ещё совсем недавно называли новым голосом поколения. После громкого успеха он больше не может написать ни строчки. Каждое утро начинается с пустого документа и мучительного страха, что талант исчез навсегда. Вместе с беременной женой Эммой он уезжает из Нью-Йорка в тихий прибрежный Провинстаун в надежде начать всё заново. Но некоторые места слишком долго помнят тех, кто однажды их покинул. Туманные улицы, холодный океан и странные жители постепенно втягивают Элиаса в историю, которая существовала задолго до его приезда. В поисках вдохновения он сталкивается с возможностью вернуть утраченный талант — ценой, которую невозможно осознать заранее. Вскоре становится ясно, что творческий кризис может быть лишь симптомом чего-то гораздо более древнего и страшного. «Пока я ещё помню себя» — психологический хоррор с элементами научной фантастики о памяти, творчестве, цене вдохновения и границе, за которой человек перестаёт быть самим собой.

© Кобальт Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Испытание	5
Глава 1. Чистый лист.	5
Глава 2. Край земли	9
Глава 3. Холст	20
Часть I.	20
Часть II	24
Глава 4. Прилив.	33
Часть I.	33
Часть II.	39
Часть III.	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Рия Кобальт

Пока я ещё помню себя

Часть I. Искушение

Глава 1. Чистый лист.

Нью-Йорк не умел стареть. Он кашлял паром из канализационных люков, выл сиренами пролетающих по нему машин, скрежетал тормозами поездов под землёй и бесконечно перева- ривал людей, выплёвывая их обратно в стеклянные офисы, клубы, кофейни и метро. Дождь этим утром не смывал с него грязь, а только делал её заметнее. Под тонкой водяной плёнкой асфальт начинал источать еле-уловимый запах плесени, ржавчины и мокрой земли.

Элиас сидел за круглым, деревянным бежевым столиком у панорамного окна маленькой кофейни в Нижнем Манхэттене, и наблюдал, как дождевые капли медленно ползут по стеклу, сталкиваются друг с другом и исчезают. Иногда ему казалось, что они делают это нарочно, лишь бы не задерживаться рядом с ним слишком долго. Из-за двери вместе с заходящими внутрь людьми проникал запах этого дождливого утра, смешиваясь с ароматом крепкого кофе. Перед Элиасом стоял ноутбук. Белый экран, пустой документ и непрерывно мигающий курсор. Он мерцал с такой равнодушной размеренностью, словно был не частью программы, а сердце- биением существа, которому нравилось наблюдать за человеческими поражениями. Элиас не печатал уже почти час. Он перечитал название документа.

“Новый сценарий”.

Само название выглядело как издёвка.

Полгода назад он подписывал контракт с голливудской студией. Люди, которых он раньше видел только по телевизору, жали ему руку, говорили, что он — «новый голос поко- ления», продюсеры смеялись над его шутками, а журналисты просили рассказать, откуда он черпает вдохновение. И он соврал каждому. Потому что и сам понятия не имел. Сценарий словно написал кто-то другой, воспользовавшись его руками. А потом этот кто-то бесследно исчез, и с тех пор остался только человек, которому все почему-то продолжали верить. Кроме него самого.

Он открывал новый документ уже бесчисленное количество раз, писал первое предложе- ние и удалял его. Иногда ему казалось, что талант похож на сон: пока спишь — он существует, но стоит проснуться, и невозможно доказать даже самому себе, что он вообще был. Элиас про- вел пальцами по своим черным волосам, убирая челку с лица, и потер переносицу. Кожа под пальцами была горячей, а ладони ледяными. Он плохо спал уже несколько месяцев. Сначала приходили бессонные ночи, потом исчез аппетит, а потом появилось чувство, будто внутри грудной клетки кто-то осторожно затягивает проволоку вокруг сердца и лёгких, делая каждый вдох чуть короче предыдущего. Врач назвал это тревожным расстройством. Элиас называл это своим обычным вторником.

Он поднял взгляд. За стеклом люди торопились под зонтами, как если бы дождь мог рас- творить тех, кто задержится хотя бы на минуту. Мужчина в дорогом пальто смеялся, разгова- ривая по телефону. Девушка в ярко-синем плаще тащила за руку плачущего мальчика. Курьер на велосипеде едва не оказался под такси, выругался, махнул рукой и поехал дальше, будто смерть опоздала на несколько секунд. Все знали, куда идут, только он один сидел на месте. В кармане куртки завибрировал телефон. Уведомление о просроченном платеже за квартиру.

Он быстро заблокировал экран. Иногда проще не смотреть на проблему, чем признать, что она существует.

— Он опять пустой? — поток его мыслей нарушил тихий и мягкий женский голос.

Элиас не услышал ни звука шагов, ни как открылась дверь кофейни. Эмма стояла рядом, глядя в экран. В одной руке она держала черный, уже сложенный зонт, с которого глухо падали на пол капли дождевой воды, в другой у неё было два пакета из крафтовой бумаги, в некоторых местах уже пропитанных маслом от выпечки внутри них. Рыжие волосы женщины намокли и стали немного темнее, прилипнув к вискам, а на щеках выступил румянец от уличного холода и быстрой ходьбы. Белый прямоугольник отражался в её светло-зеленых глазах. Элиас заметил, как её улыбка дрогнула, совсем чуть-чуть, будто кто-то невидимый коснулся её пальцем.

— Привет, — тихо сказал он.

— Привет.

Она села напротив, поставив пакеты с выпечкой на стол, нарушая молчание шорохом плотной бумаги, который в этот момент показался Элиасу слишком громким, даже неуместным и слегка раздражающим. Кофейня была наполнена разговорами, музыкой и звоном посуды, но между ними повисла тишина. Эмма первой отвела взгляд.

— Ты здесь давно?

— Часа два.

— И всё это время...

Она кивнула на ноутбук.

— Да.

Он даже не пытался соврать жене. Она медленно выдохнула, не раздражённо, но устало, как человек, который слишком долго надеялся и верил, но так ничего не получил.

— Знаешь, — сказала она, снимая шарф, — раньше я думала, что самый страшный звук на свете — телефонный звонок ночью. Оказалось, нет.

— А какой?

Она посмотрела на мигающий курсор.

— Этот.

Элиас опустил глаза, ему вдруг стало стыдно за себя. За то, что каждое утро Эмма вставала раньше него, рисовала нелепых улыбающихся кроликов для детских книжек, спорила с издателями из-за смешных гонораров, приходила домой с больной спиной, а он встречал её одним и тем же белым экраном.

— Прости.

Он произнёс это почти шёпотом.

Эмма покачала головой.

— Не извиняйся за то, что тебе плохо. Извиняться стоит, когда перестаёшь пытаться. — Она улыбнулась, очень мягко, но эта улыбка не дошла до глаз. И именно это оказалось страшнее любой ссоры. — Ты ведь всё ещё пытаешься?

Вопрос прозвучал спокойно, но Элиас не ответил, потому что не был уверен. Пытался ли он? Или уже несколько месяцев только делал вид? Он посмотрел за окно на дождливую Нью-Йоркскую улицу.

— Видишь мужчину в красной куртке? — спросила Эмма.

Элиас проследил за её взглядом, у витрины обувного магазина стоял мужчина лет сорока. В одной руке он держал пакет с детскими кроссовками, другой нервно теребил воротник куртки. Он смотрел в стекло так пристально, словно надеялся увидеть там кого-то вместо собственного отражения.

— Вижу.

— Кто он?

Элиас невольно усмехнулся.

— Откуда мне знать?

— Ты знаешь. — Она сказала это без тени сомнения.

Как если бы речь шла о чём-то совершенно очевидном. Он молчал. Потом снова посмотрел на мужчину. И слова сами начали складываться в историю.

— Он приехал слишком поздно.

Эмма ничего не сказала.

— Его дочь сегодня впервые выступает в школьном спектакле. Он обещал, что обязательно придёт. Даже купил ей новые кроссовки. Видишь пакет?

Она кивнула.

— Но он не успеет. Он стоит здесь уже десять минут. Делает вид, что выбирает обувь, хотя на самом деле боится войти в метро. Он развёлся год назад. Каждый раз, когда обещает приехать, что-нибудь случается. Работа, пробки, болезнь... Сегодня ничего не случилось. Он просто... не смог. Потому что чем сильнее любишь человека, тем страшнее однажды понять, что он уже перестал тебя ждать.

Он замолчал.

Кофейня исчезла, дождь исчез. Остался только человек в красной куртке. Элиас моргнул. Одного мысленного щелчка пальцев оказалось достаточно — история рассыпалась, и он посмотрел на Эмму. Она смотрела на мужа так, словно хотела одновременно обнять и встряхнуть.

— Видишь? — тихо сказала она.

— Что?

— Ты только что прожил жизнь совершенно незнакомого человека.

Он ничего не ответил.

— Ты всё ещё умеешь писать, Эли.

Он горько усмехнулся.

— Нет.

— Тогда что это было?

— Болтовня.

— Нет.

Она осторожно закрыла крышку ноутбука.

— Это был талант. И ты так боишься не оправдать собственный успех, что предпочитаешь не писать вообще, потому что пустую страницу нельзя раскритиковать. А готовую — можно.

Эти слова ударили сильнее, чем он ожидал, потому что были правдой. Он вдруг понял, что всё это время боялся не провала. Он боялся узнать, что прошлый успех оказался случайностью. Что все восторженные статьи были написаны о человеке, которого никогда не существовало.

— Эли... — Она осторожно положила ладонь ему на руку, — Нам нужны деньги.

Он кивнул. Конечно нужны. Она не произнесла слово «ребёнок», но оно всё равно повисло между ними.

— Я найду выход.

— Как?

Он поднял голову. Ответ появился неожиданно, как если бы всё это время ждал где-то за дверью.

— Мы уедем.

— Куда?

Он почувствовал, как внутри живота что-то холодное медленно перевернулось... Слово вырвалось раньше, чем он успел осознать.

— В Провинстаун.

Мир словно задержал дыхание. Он не был там почти тридцать лет, но стоило произнести это название вслух, как память открылась сама собой... Запах соли, гнилых водорослей, досок старого пирса и почти чёрной воды. Почему именно воды? Почему он никогда не вспоминал лицо матери и почему всегда первым приходил запах? Он почувствовал лёгкий привкус соли во рту... Невозможный, и всё же настоящий.

— Почему именно туда? — тихо спросила Эмма.

Он посмотрел на дождь.

— Потому что там тихо.

Это была ложь.

Настоящий ответ всё ещё стоял по колено в холодной воде и ждал его где-то на самом краю памяти.

Эмма долго молчала, потом взяла его руку в свою. Её пальцы были холодными, как всегда. Но впервые за долгое время он не почувствовал желания их согреть, потому что понял одну страшную вещь: холод исходил уже не от неё.

Он жил внутри него самого.

— Хорошо, — сказала она. — Поедем.

За окном город продолжал шуметь, будто ничего не произошло, но Элиас вдруг поймал себя на странной мысли. Ему показалось, что Нью-Йорк только что облегчённо выдохнул, словно избавился от человека, которого никогда не считал своим.

Глава 2. Край земли

Часть

I

.

Дорога заканчивалась медленно.

Не обрывалась, а истончалась — карандашной линией, которая становилась всё тоньше ближе к концу, как если бы художник устал держать карандаш. За окнами машины деревья становились ниже, ветер — настойчивее, а небо, казалось, всё ближе прижималось к земле. Мир постепенно избавлялся от лишних деталей, оставляя только самое необходимое: серый асфальт, темно-синий, почти чёрный океан, и воздух, пахнувший солью.

Элиас всегда представлял себе возвращение иначе. Память о детстве казалась ему чем-то, похожим на фотографии: неподвижные, чёткие, неизменные. Но годы сделали своё дело. Теперь это место из воспоминаний напоминало старый холст, картину на котором десятки раз переписывали поверх первоначального рисунка. Иногда проступали отдельные знакомые мазки, иногда — лишь смутные силуэты. Он не помнил события, слова и дома. Он отчетливо помнил запах. Солёная вода, мокрое дерево, водоросли, и что-то сладковатое, почти приторное. Казалось, океан годами собирал в себе всё умершее и не спешил отпускать...

Когда впереди появилась табличка с надписью «Welcome to Provincetown» и живописной сценой с рыбацкими лодками, рыболовными сетями и одинокой чайкой на фоне песчаных дюн, его пальцы сами собой сильнее сжали руль. Он даже не заметил этого, но заметила Эмма.

— Всё хорошо?

— Конечно.

Она не поверила. За последние полгода она научилась различать десятки оттенков его молчания. И это было молчание человека, который уже не здесь. Но она ничего не сказала. Иногда любовь выглядела именно так — не как разговор, а как решение не задавать вопрос, ответ на который причиняет дискомфорт.

Машина медленно свернула на Коммерциал-стрит, Провинстаун встретил их безразлично. Туман лениво ползал между домами, как старый кот, давно переставший интересоваться людьми. Он скрывал крыши, размывал очертания улиц и делал расстояния обманчивыми. Казалось, до любого здания можно дойти за минуту, но стоило сделать несколько шагов — и оно снова оказывалось далеко. Эмма первой нарушила тишину.

— Здесь красиво.

Она сказала это почти шёпотом. Казалось, боялась потревожить сам город. Элиас посмотрел в окно... По обе стороны дороги тянулись старые деревянные дома, ни один не пытался казаться новым. Краска на фасадах выгорела настолько, что белый превратился в цвет морской соли, голубой — в цвет зимнего неба, а жёлтый — в воспоминание о солнце. Казалось, океан годами стирал с них яркость, как вода стирает рисунок мелом с асфальта. На верандах слегка покачивались от ветра пустые кресла, в окнах на подоконниках виднелись керамические чайки, где-то на крыльце одиноко горела гирлянда, которую, должно быть, забыли снять после прошлого Рождества. Или не забыли. Просто здесь никому не было дела до времени. Летом Провинстаун, вероятно, шумел. Можно было представить толпы туристов, художников, музыкантов, бесконечные фестивали, шум баров и галерей. Но сейчас...

Город выдохнул после долгого спектакля. Занавес опустился, а зрители разошлись. Остались только декорации. Элиас заметил вывеску художественной галереи. За большим окном висели абстрактные полотна, выглядящие так, будто художник пытался нарисовать ветер. Чуть дальше располагалась маленькая книжная лавка, за ней — кофейня, после которой находился

магазин сувениров, а за ним виднелся бар с большим ярким флагом, лениво покачивавшимся на ветру.

Эмма улыбнулась.

— Мне нравится, что здесь никто не пытается скрывать, кто он.

— Здесь слишком маленький город, чтобы долго что-то скрывать.

Она посмотрела на него.

— Это плохо?

Он задумался.

— Не знаю... Иногда человеку нужны люди, которые ничего о нём не знают. Чтобы хотя бы самому поверить, что можно начать сначала.

Машина медленно проехала мимо старого пирса. Элиас невольно повернул голову. Океан почти сливался с небом, граница между ними исчезла и только несколько чаек неподвижно висели в воздухе, словно ветер забыл, что их нужно качать. Странные птицы. Они будто не летали. Элиас поймал себя на этой мысли и тут же нахмурился. Почему “не летали”? Глупость, летели против ветра. Он отвернулся.

Но ощущение осталось.

Эмма тем временем смотрела совсем в другую сторону.

Для неё город выглядел иначе. Она замечала не улицы, а цвет, фактуру, следы времени. Казалось, весь Провинстаун кто-то написал ограниченной палитрой: серая Пейна, необработанная умбра, охра, немного выцветшего ультрамарина. Лишь изредка эту сдержанную гамму прорезал яркий акцент — красная дверь, бирюзовый велосипед, разноцветный флаг на ветру. Не как вызов. Скорее как уверенный мазок художника, который точно знает, где композиции не хватает жизни.

— Здесь всё похоже на акварель, — сказала она.

— Скорее на старую фотографию.

— Нет.

Она покачала головой.

— Фотографии сохраняют момент, а здесь... Как будто краска ещё не высохла.

Элиас улыбнулся, впервые за весь день.

— Это очень по-художнически.

— А ты ожидал чего-то другого?

— Наверное, нет.

Машина остановилась возле небольшого белого дома. Элиас заглушил двигатель и наступила тишина. Не городская, настоящая. Он вышел наружу и вдохнул холодный, чистый воздух. Он чувствовал соль на губах, запах мокрых досок, дым из чьей-то трубы. И что-то ещё... Очень далёкое и почти забытое. Элиас закрыл глаза, и на одно короткое мгновение ему почудился скрип старых досок пирса. Он резко обернулся. Пустая улица, туман, несколько чаек на крыше соседнего дома и больше никого.

— Эли?

Он посмотрел на Эмму, которая уже стояла возле багажника и улыбалась ему.

— Поможешь? Или ты решил первым делом познакомиться с местными призраками?

Он усмехнулся.

— Не люблю торопить события.

Но, закрывая дверь машины, он ещё раз посмотрел туда, где ему почудился тот звук. Ветер лениво качнул пустую лодку у соседнего причала, дерево тихо заскрипело. И этого оказалось достаточно, чтобы воспоминание, которое он пытался забыть, как если бы его никогда и не было, снова шевельнулось где-то внутри. Казалось, океан узнал Элиаса даже раньше, чем он успел увидеть его вблизи.

Дом оказался именно таким, каким обычно выглядят дома в местах, где люди живут рядом с океаном уже не первое поколение. Он не пытался производить впечатление. Небольшой, двухэтажный, обшитый белым сайдингом, с узким деревянным крыльцом и покатой крышей. Белая краска местами вспучилась и потрескалась, как если бы древесина устала сопротивляться влажному воздуху.

Эмма остановилась на дорожке и подняла голову.

— Он похож на иллюстрацию из старой книги.

Элиас проследил за её взглядом. Действительно. Если убрать припаркованную рядом машину и электрические провода, дом мог принадлежать любому десятилетию прошлого века. Дом существовал вне времени, спокойно переживая каждого нового жильца. Ключ повернулся в замке неожиданно легко и дверь почти бесшумно открылась. В доме пахло влажным деревом, старыми книгами, и льняным маслом, которое когда-то использовали для ухода за мебелью. Казалось, океан проникал сюда через стены, медленно пропитывая всё вокруг. Элиас переступил порог, половицы негромко скрипнули и он замер. Этот звук он не просто услышал, он узнал его, словно тело вспомнило его раньше чем сам Элиас.

Нелепое чувство исчезло так же быстро, как появилось. Он провёл ладонью по теплым и гладким деревянным перилам лестницы, отполированным сотнями чужих рук.

— Здесь уютно, — сказала Эмма.

Она всегда замечала не роскошь, а уют. В гостиной стоял диван с бежевой обивкой, деревянный книжный шкаф, покрашенный матовой белой краской, несколько кресел и круглый стол у окна. Всё было простым, но удивительно живым. Дом выглядел так, будто люди действительно жили здесь, читали книги, пили чай по вечерам и засыпали под шум ветра.

Пока Эмма поднималась наверх посмотреть спальню, Элиас медленно обходил комнаты. Дом казался удивительно тихим, но не пустым, будто умел молчать. На каминной полке стояли несколько старых фотографий. Маяк, пирс, зимний шторм... Всё это выглядело совершенно обычно, пока взгляд не остановился на одной фотографии в массивной дубовой рамке, висевшей отдельно, чуть в стороне. Казалось, хозяин дома почему-то считал её важнее остальных. Под стеклом запечатлелась группа людей, пять человек. Все стояли на тёмных скалах возле маяка. Фотография была старой — края пожелтели, эмульсия местами потрескалась, лица потеряли резкость, но выражения всё ещё читались. Никто не улыбался, никто не смотрел в объектив, все смотрели куда-то за пределы кадра, как если бы фотограф окликнул их слишком поздно. Элиас сделал шаг ближе. Сначала он узнал пальто, потом — осанку. Тонкая фигура, руки в карманах, чуть приподнятый подбородок. Мать. Лицо было почти невозможно разглядеть, но её невозможно было спутать ни с кем другим. Он не видел эту фотографию раньше, но был уверен, что это она. Рядом с ней стоял высокий мужчина, судя по внешности ровесник матери. В нижнем углу фотографии кто-то аккуратным почерком подписал:

“Маяк. Зима 1984.”

Больше ничего.

Значит фотография была сделана за два года до того, как родился Элиас.

— Эли?

Он даже не услышал, как подошла Эмма.

— Это... — Он поднял руку. — Это моя мать.

Эмма молча встала рядом и несколько секунд они рассматривали фотографию.

— Ты уверен?

— Да.

— А остальные?

Он покачал головой.

— Не знаю. Хотя...

Ему показалось, что мужчина рядом с матерью выглядит слишком знакомо. Нет. Не знакомо, похоже. Как человек, которого он когда-то видел во сне.

Или в детстве...

Элиас нахмурился. Чем дольше он всматривался, тем сильнее фотография начинала казаться неправильной, будто композиция нарушала какое-то правило, которое мозг знал, но Элиас не мог сформулировать.

— Странно...

— Что?

Он моргнул. Наверное, усталость.

— Да нет, ничего... Остальных я точно не знаю.

Разбирать вещи оказалось удивительно легко. Как если бы они приехали сюда не на месяц, а возвращались домой после долгого отсутствия. Эта мысль показалась Элиасу настолько нелепой, что он почти рассмеялся. Домой... Он не был здесь почти тридцать лет. И всё же тело двигалось уверенно. Как если бы знало, где искать выключатели в доме и заранее понимало, какая дверь ведёт в кухню, а какая — в кладовую.

За обедом он поймал себя на мысли, что тянется именно к тому шкафчику, где действительно находилась посуда, когда она была нужна.

— Ты уже бывал в этом доме?

— Нет.

— Тогда откуда ты всё время угадываешь?

— Угадываю?

Эмма кивнула.

— Ты три раза подряд открыл именно те шкафы, которые были нужны.

— Совпадение.

Но внутри у него снова появилось то же неприятное чувство, что и возле машины, словно память двигалась где-то на полшага впереди сознания.

К концу дня туман стал гуще, он почти растворил соседние дома. За окнами остались лишь белёсые силуэты фонарей и медленно качающиеся ветви голых деревьев.

— Пойдём, прогуляемся... — Эмма застёгивала пальто, улыбаясь так, как улыбаются люди, искренне радующиеся новому месту. — Пока совсем не стемнело.

Элиас подошёл к окну. Вдалеке, за рядами крыш, виднелась узкая полоска океана. Свинцовая и неподвижная. Ему вдруг показалось, что океан отсюда выглядит слишком близко. Возникло ощущение, что весь город построили не рядом с водой, а прямо на её краю, и после ещё одного сильного прилива океан спокойно заберёт обратно всё, что когда-то позволил людям построить.

— Элиас

Он вздрогнул.

— Да?

— Идём?

Он ещё несколько секунд смотрел в сторону воды, а потом медленно надел пальто.

— Идём.

Часть

II

.

Они вышли на Коммерциал-стрит уже под вечер. Туман понемногу рассеивался, уступая место прозрачным сумеркам. Небо стало почти белым, а океан — таким тёмным, что казалось, будто кто-то вырезал в мире длинную полосу пустоты. Город жил удивительно тихо в это время года. Редкие прохожие здоровались друг с другом так естественно, словно были соседями всю

жизнь, возле небольшой пекарни пожилой мужчина сметал с крыльца мокрые сухие листья, хотя ветер тут же приносил новые, из-за стеклянной двери художественной галереи пробивался тёплый жёлтый свет, и Эмма невольно замедлила шаг.

— Давай зайдём?

Элиас улыбнулся.

— Давай, почему бы нет...

Внутри пахло древесиной, маслом и свежей краской. Настоящей, а не типографской, как в издательстве Эммы. Так пахнут мастерские, где люди работают руками. Эмма медленно переходила от одной картины к другой, она почти ничего не говорила. Иногда наклоняла голову, иногда подходила совсем близко, разглядывая фактуру мазков. Элиас поймал себя на мысли, что никогда раньше не видел её настолько сосредоточенной.

— Что ты ищешь?

— Ошибки.

— Чтобы почувствовать себя лучше?

Она тихо рассмеялась.

— Чтобы понять, насколько живой этот художник.

Он вопросительно поднял бровь.

— Когда человек рисует слишком идеально, мне становится скучно. Настоящая картина всегда сопротивляется. Всегда. — Она коснулась взглядом большого абстрактного полотна. — Видишь? Вот здесь он передумал. Уже почти закончил работу, а потом вдруг понял, что всё неправильно. И переписал половину картины.

Элиас прищурился.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что сама так делаю.

Он посмотрел на жену. Иногда ему казалось, что Эмма умеет читать чужие картины так же легко, как он когда-то читал людей.

Когда они вышли обратно на улицу, ветер усилился, а туман окончательно ушёл к воде. Впервые за день стало отчетливо видно океан. Настоящий, бесконечный. Он лежал за последними домами, тёмный, почти неподвижный, и только редкие чайки медленно описывали круги над пирсом.

Пирс оказался длиннее, чем казался издалека. Старые доски были влажными и тихо поскрипывали под ногами, а по обе стороны покачивались рыбацкие лодки. Некоторые выглядели так, будто не выходили в плавание уже много лет, другие, наоборот, казались готовыми отплыть прямо сейчас. Несколько рыбаков молча перебирали сети, кто-то курил, прислонившись к перилам, кто-то просто смотрел на воду.

Элиас остановился.

— Слушай...

— Что?

— Здесь почти нет шума.

Эмма прислушалась.

Она услышала ветер, чаек, скрип канатов, плеск волн... И всё. Никаких машин, сирен, и громких голосов. После Нью-Йорка эта тишина казалась почти оглушительной.

— Даже странно. — тихо сказал Элиас.

— Наверное, поэтому художники сюда и приезжают, — задумчиво ответила Эмма. — Вдохновляются тихим местом.

— Или сходят с ума. — Мужской голос с едва заметным русским акцентом прозвучал совсем рядом.

Они одновременно обернулись. Человек сидел у самого края пирса, перед ним стоял большой холст. Он работал быстро. Очень быстро. Не суетливо, уверенно. Широкая плоская

кисть двигалась по холсту так легко, будто уже знала, где окажется через секунду. На картине был океан, но совсем не такой, каким они видели его перед собой. Настоящий океан был серым, а этот — глубоким, почти чёрным, с густыми синими тенями и неожиданными вспышками багрово-красного цвета, словно под водой медленно тлели угли.

Художник сделал ещё несколько мазков, потом вдруг сказал, не оборачиваясь:

— Не люблю писать людей. Они всё время двигаются.

Элиас невольно улыбнулся.

— А океан?

— Он тоже. Но он хотя бы не возмущается, что поза не удобная.

Только после этих слов художник повернул голову. Он оказался лет на двадцать моложе Элиаса, длинные чёрные волосы были небрежно собраны в низкий хвост, несколько прядей выбились и прилипли к щеке из-за влажного ветра. У мужчины были карие глаза, а сбоку под правым глазом была маленькая татуировка в виде улыбающегося смайлика. Черная куртка была испачкана засохшей краской, так, как пачкается одежда человека, который давно перестал замечать подобные мелочи. Когда он отложил кисть, Элиас заметил татуировки на его руках. Они не выглядели попыткой кого-то впечатлить — просто были частью него, как голос или походка. На фалангах пальцев переплетались тонкие линии, точки и геометрические фигуры, на кистях темнели лица демонов, а на мизинце неожиданно выделялось маленькое красное сердце — почти детское среди всей остальной графики.

Художник поймал его взгляд, посмотрел на свою руку, потом снова на Элиаса.

— У них нет смысла.

Элиас растерялся.

— Я...

— Все сначала об этом спрашивают. — Он широко улыбнулся. — Особенно местные.

Эмма тихо засмеялась.

Он вытер кисть о тряпку и наконец поднялся. Мужчина был высоким и худым, двигался легко, почти лениво, будто совершенно не чувствовал холода. Несколько секунд он просто смотрел на Элиаса. Не пристально, скорее изучающе, как художник смотрит на интересную натуру. И только потом сказал:

— Знаешь... Я почему-то сразу понял, кто ты.

Элиас нахмурился.

— Правда?

— Конечно. — Он слегка наклонил голову. — У тебя лицо человека, который слишком долго разговаривает с самим собой.

Повисла короткая пауза, а потом художник вдруг усмехнулся.

— Ладно, это прозвучало странно, извини... Я Лео. И, поверь, обычно я произвожу гораздо менее пугающее первое впечатление.

Лео поднялся с низкого складного стула и, прежде чем протянуть руку, тщательно вытер её о старую тряпку, лежавшую рядом с мольбертом.

— Я Элиас.

— Знаю.

— Откуда?

— От отца. — Он пожал плечами, — Он рассказывал о твоей матери. Часто.

На несколько секунд повисла тишина. Лео сразу почувствовал, что наступил на тонкий лёд.

— Это было слишком резко?

Элиас покачал головой.

— Нет... просто неожиданно.

— Неожиданности - моя специализация. — Он улыбнулся одним уголком губ

Эмма протянула ему руку.

— Я Эмма.

— Художница?

Она удивлённо подняла брови.

— Да.

— Так и думал.

— Почему?

— Ты внимательно смотришь на мой холст, а не на меня.

Элиас усмехнулся.

— Это может значить что угодно. — сказал он, глядя на Лео

— Конечно. — Лео кивнул. — Но теперь я выгляжу так, будто я понимаю людей. Очень полезный навык. Особенно если на самом деле не понимаешь вообще никого.

Эмма тихо рассмеялась.

— Вы всегда такой?

— Нет. Иногда молчу. Но редко.

Он снова сел перед мольбертом. Несколько секунд работал молча, кисть двигалась быстро, без сомнений. Элиас наблюдал за этим почти заворуженно. Каждый мазок появлялся именно там, где должен был быть, где смотрелся наиболее гармонично. Никаких поисков, исправлений и долгих пауз перед холстом. Как если бы картина уже существовала, а Лео просто помогал ей выбраться наружу.

— Красиво, — сказал Элиас.

— Нет. Сегодня посредственно. — спокойно ответил Лео, проводя очередной резкий штрих плоской кистью.

— Серьёзно?

— Конечно. Океан сегодня скучный. — Он ткнул кистью в сторону воды. — Видишь? Он всегда зимой выпендривается.

Эмма перевела взгляд с настоящего океана на картину.

— Но у тебя он совсем другой.

— Потому что настоящий мне не принадлежит.

Лео коснулся середины холста пальцами, на коже осталась густая синяя краска.

— А этот принадлежит. Его можно испортить. Настоящий — нет.

Элиас задумался.

— Ты всегда рисуешь океан?

— Нет. Иногда абстракцию. Но океан живой, ещё и дышит.

— Океан дышит?

— Да, волнами.

Повисла короткая пауза. Лео вдруг посмеялся.

— Не обращайтесь внимания. Это был мой способ признаться, что я просто люблю океан. А ещё я практикую необычные способы смущать незнакомцев.

В этот момент рядом с мольбертом тяжело приземлилась крупная чайка. Она важно прошлась по пирсу, остановилась возле бумажного пакета и начала настойчиво потрошить его клювом.

Лео даже головы не повернул.

— Нет.

Чайка продолжила своё занятие.

— Даже не начинай.

Элиас непонимающе посмотрел сначала на птицу, потом на художника.

Чайка победила. Пакет открылся.

Лео тяжело вздохнул.

— Хорошо. Хлеб можешь взять. Но сыр не трогай, он дорогой.

Эмма не выдержала и засмеялась.

— Вы сейчас серьёзно разговариваете с чайкой?

— Конечно. Она здесь часто бывает. Я тоже. А добрососедские отношения ещё никому не вредили.

Будто услышав его, чайка вытащила кусок хлеба, оставив остальное в пакете. Лео победно развёл руками.

— Вот. Мы с ней договорились.

Элиас тоже улыбнулся, в этот раз по-настоящему, впервые за долгое время. Лео искоса посмотрел на него, совсем коротко, и неожиданно сказал уже совершенно другим тоном, спокойным, без шутки:

— Кстати...

— М?

— Ты ведь сценарист?

— Да.

— Хороший?

Элиас усмехнулся.

— Последние полгода — вряд ли.

— Жаль.

— Почему?

Лео наконец посмотрел ему прямо в глаза и улыбнулся той лёгкой улыбкой, которая совершенно не вязалась с его серьёзным взглядом.

— Потому что хорошие сценаристы встречаются гораздо реже, чем хорошие художники.

А потом, сам испугавшись, что разговор становится слишком серьёзным, он махнул кистью в сторону города.

— Ладно, хватит о работе. Вы только приехали. Нельзя в первый же день думать о профессии... Это как открыть отпуск бухгалтерским отчётом. Сначала нужно хотя бы позволить себе немного пожить.

Лео снова повернулся к холсту. Казалось, разговор для него уже закончился. Он работал так же легко, как некоторые люди разговаривают, — не задумываясь о каждом движении. Несколько минут они просто молчали.

Эмма подошла ближе к картине.

— Можно посмотреть?

— Конечно. Только не ищи смысл. Но если найдёшь, обязательно мне расскажи. Я сам до сих пор не уверен, что здесь происходит.

Она улыбнулась и долго рассматривала густые мазки краски.

— Мне кажется...

— Уже опасно.

— Почему?

— Потому что почти все хорошие предложения начинаются с “мне кажется” — Он засмеялся. — Потом художник десять лет пишет манифест, объясняя, что именно хотел сказать. А мне лень. Пусть зрители сами ищут смысл и мучаются.

Элиас слушал их разговор почти отстранённо. Он смотрел не столько на Лео, сколько на то, как тот существует. Никакой скованности, никакого желания понравиться. Он был собой с такой естественностью, что рядом с ним становилось удивительно спокойно. Будто рядом находился человек, который давно перестал сомневаться в собственном праве быть таким, какой он есть.

Элиас почти забыл, как это ощущается.

Ветер усилился, с океана потянуло холодом, где-то далеко глухо и протяжно загудел корабль. Так, словно звук пришёл не по воздуху, а прямо из воды. Лео поднял голову.

— Скоро стемнеет. — Он посмотрел на небо. — Люблю это время. Всё становится понятнее.

— В каком смысле? — Элиас снова посмотрел на художника.

— Днём люди смотрят друг на друга, ближе к ночи начинают слушать себя. — Он пожал плечами. — Хотя, может, это только у меня так.

Именно в этот момент с противоположного конца пирса раздался голос.

— Элиас!

Он прозвучал неожиданно громко, как отчаянная попытка докричаться до человека, который уже почти ушёл. Все трое одновременно обернулись.

По мокрым доскам быстро шла женщина. На ней было надето слишком много одежды сразу. Несколько старых кофт, мужское пальто не по размеру, шерстяной шарф, потерявший цвет. Светлые волосы спутались в плотные пряди, как если бы ветер расчёсывал их вместо хозяйки. Лицо казалось измождённым, но больше всего поражали глаза. Не безумные, а настоящему испуганные. Она остановилась в нескольких шагах, тяжело дыша.

— Ты... — Она посмотрела на Элиаса. Очень внимательно, — Ты её сын.

Элиас нахмурился.

— Мы знакомы?

Женщина не ответила. Она вдруг перевела взгляд на Лео и выражение её лица изменилось. Страх сменился чем-то гораздо тяжелее. Ненавистью.

— Не смей.

Тихо сказала она.

Лео тяжело вздохнул.

— Здравствуй, Маргарет.

— Не смей подходить к нему.

— Я стою в двух метрах.

— Ты понял, о чём я.

Он спокойно опёрся рукой о мольберт.

— Нет... Честно говоря, я уже давно перестал понимать, о чём ты.

Она сделала шаг вперёд, её палец дрожал, когда она указала на него.

— Ты... Ты всегда начинаешь одинаково. Сначала разговариваешь, потом слушаешь. Потом...

Она замолчала, будто слова застряли где-то в горле.

— Маргарет... — Тихо сказал Лео. Без раздражения, почти устало. — Иди домой.

— Нет у меня дома.

Эта фраза прозвучала так спокойно, что на некоторое время наступило молчание. Лео опустил взгляд, его лицо впервые стало совершенно серьёзным.

— Тогда... Найди место, где сегодня будет тепло.

Она словно не услышала и снова посмотрела на Элиаса.

— Ты похож на неё.

Он почувствовал, как внутри что-то болезненно сжалось.

— Вы знали мою мать?

Маргарет медленно кивнула.

— Она... Она была хорошим человеком. — На последних словах голос предательски дрогнул. Она замолчала. Элиас уже хотел сделать шаг к ней, но Маргарет вдруг посмотрела на Эмму и впервые заметила её округлившийся живот. Лицо женщины побледнело ещё сильнее.

— Нет... — Совсем тихо сказала она.

Она подошла почти вплотную к Эмме. Та невольно напряглась, но не отступила. Маргарет смотрела не на её лицо. На живот. Будто увидела там что-то, чего никто другой увидеть не мог.

— Береги его.

Эмма растерянно моргнула.

— Простите?

— Просто... Береги. Его и себя.

Она резко перевела взгляд на Элиаса, и произнесла почти шёпотом:

— В этом городе не всё, что приходит как вдохновение... Приходит с добром.

Повисла тишина, даже ветер стих. Лео медленно закрыл крышку деревянного ящика с красками.

— Маргарет.

— Замолчи!

Она впервые почти крикнула.

— Хоть раз... Замолчи.

Её плечи задрожали, казалось, она сейчас заплачет. Но слёз не было, только бесконечная усталость человека, который слишком долго носил в душе что-то тяжёлое. Она развернулась и быстро пошла прочь.

У самого конца пирса остановилась и не оборачиваясь, сказала:

— Если однажды тебе покажется, что ты стал лучше... Сначала спроси себя, что именно в тебе исчезло.

И ушла. Долго никто не говорил.

Было слышно только, как доски тихо поскрипывают под её шагами, пока силуэт окончательно не растворился в вечернем тумане.

Эмма нарушила молчание.

— Кто она?

Лео смотрел туда, где только что исчезла Маргарет, и неожиданно усмехнулся. Не зло, скорее с печалью.

— Самая талантливая художница, которую я когда-либо знал, — Он поднял мольберт, закинул рюкзак на плечо. — И самая несчастная.

Элиас посмотрел на него.

— Она сказала, что знала мою мать.

— Знала.

— И что это значит?

Лео помолчал, потом пожал плечами.

— В маленьких городах почти все когда-нибудь знали друг друга. — Он улыбнулся, снова легко. Как если бы тяжёлого разговора не было вовсе. — Не переживай. Маргарет пугает всех новеньких, это её способ заботиться о людях.

Эмма молча посмотрела вслед женщине. Почему-то ей совсем не хотелось смеяться. Лео же, будто почувствовав повисшее напряжение, хлопнул ладонью по ремню рюкзака и сказал уже привычным, почти беспечным тоном:

— Ладно. На сегодня достаточно драматизма.

Он сделал несколько шагов, потом обернулся.

— Кстати... если захотите выпить действительно хороший кофе, приходите завтра в мою мастерскую. Она прямо возле старого клуба Atlantic House. Заблудиться сложно.

Он поднял руку на прощание и ушёл. Элиас долго смотрел ему вслед. Потом — туда, где исчезла Маргарет. Ему казалось, что между этими двумя людьми лежит какая-то история. Старая, болезненная, ещё не законченная. Он не знал, кому из них верить. И, что странно, пока не чувствовал необходимости выбирать.

Где-то в темноте снова закричала чайка, а океан за пирсом оставался таким же спокойным, словно внимательно слушал всё, что было сказано, и терпеливо ждал своей очереди заговорить.

Глава 3. Холст

Часть I.

Элиас не спал.

Дом молчал так, как умеют молчать только незнакомые дома — настороженно, прислушиваясь к человеку, которого впустили переночевать. Старые доски едва слышно поскрипывали, а где-то далеко, за пустыми улицами и рыбацкими причалами, тяжело дышал океан.

Рядом спокойно спала Эмма. Она лежала, повернувшись к нему спиной, обняв обеими руками подушку, инстинктивно защищая жизнь, растущую внутри неё. Иногда она едва заметно вздрагивала во сне, и тогда кровать тихо поскрипывала, возвращая Элиаса в реальность. Он осторожно перевернулся на бок. Сквозь неплотно задвинутые шторы пробивался холодный свет фонаря. Узкая серебристая полоса пересекала стену, медленно покачиваясь от ветвей дерева за окном. Казалось, кто-то водил по комнате длинной кистью, оставляя на стенах мазки разбавленной луны.

Элиас смотрел на этот свет уже, наверное, минут двадцать. Или час. Он давно перестал различать время, как если бы ночь перестала двигаться. Мысли не складывались в предложения, они были похожи на рассыпанные листы рукописи, поднятые ветром.

Перед глазами снова возникло лицо Маргарет. Элиас запомнил не то, какой грязной или измученной она выглядела, он запомнил её взгляд — испуганный настолько, что страх переставал быть эмоцией и становился частью человека. Она не просила, не угрожала. Она предупреждала. И больше всего его тревожили вовсе не её слова.

А Лео.

То, как спокойно он реагировал. То, как легко улыбался после каждой неудобной темы. То, как переводил любой разговор в шутку. Элиас слишком хорошо знал этот приём, он сам пользовался им много лет. Когда журналисты спрашивали, как рождаются идеи, когда друзья интересовались, почему он всё ещё пишет сценарии, когда Эмма осторожно спрашивала «Ты счастлив?». Он тоже всегда улыбался, всегда отвечал смешнее, чем чувствовал. Шутка была самым дешёвым способом не подпускать людей слишком близко. Лео делал то же самое, только намного талантливее. Эта мысль почему-то не отталкивала, наоборот, она делала его понятнее.

Элиас закрыл глаза. Перед внутренним взглядом возник пустой документ. Белый экран ноутбука, мигающий курсор. Такой маленький, такой нелепый, и всё же способный напугать. За последние полгода он превратился в маленькое живое существо и каждый вечер терпеливо ждал, каждое утро молча спрашивал:

“Ну что? Сегодня ты наконец докажешь, что не случайно стал сценаристом?”

Элиас больше не открывал ноутбук с надеждой, он открывал его, чтобы в очередной раз убедиться в собственной беспомощности. И хуже всего было не отсутствие идей.

Хуже было то, что он перестал доверять самому себе. Любая мысль казалась посредственной ещё до того, как он успевал записать первое предложение. Любой диалог звучал фальшиво. Любой сюжет казался неинтересным. Он стал самым жестоким редактором самого себя. И ни один текст не проходил через этого редактора живым.

Элиас почувствовал знакомое ощущение, словно что то невидимое с силой пытается давить на него. Он глубоко вдохнул. Солёный воздух проникал даже сквозь закрытые окна. Провинстаун пах иначе, чем Нью-Йорк, так, будто весь город много лет пролежал на морском дне, а потом однажды его осторожно подняли на поверхность. Элиас сам не заметил, как задремал.

Он снова стоял на пирсе, туман скрывал океан, маяк вдалеке и даже берег.
Впереди неподвижно стояла женщина.
Длинное тёмное пальто, чёрные волосы.
Тонкие пальцы, лежащие на перилах.
Он сразу узнал её.
Хотя не видел этого лица вживую почти тридцать лет.
— Мам...
Голос прозвучал тихо. Будто принадлежал не взрослому мужчине, а испуганному маль-
чику.
Она не обернулась.
Только ветер сильнее прижал ткань пальто к её фигуре.
Элиас сделал шаг вперёд.
Потом ещё один.
Доски под ногами были мокрыми.
Каждый шаг отдавался глухим стуком.
— Мам!
Она медленно повернула голову.
Улыбнулась.
Так, как улыбалась на старых фотографиях.
Без грусти.
Без страха.
Как если бы знала что-то, чего не знал он.
— Не бойся. — Её голос прозвучал совсем рядом.
И в ту же секунду она сделала шаг назад.
В пустоту.
Элиас бросился к ней.
Но не успел.
Чёрная вода сомкнулась над её головой совершенно бесшумно.
Ни всплеска.
Ни круга на поверхности воды.
Он хотел закричать.
Но воздух исчез.
Лёгкие вдруг наполнились ледяной водой.
Соль обожгла горло.
Он судорожно вдохнул —
И проснулся.

Комната снова была настоящей. Темнота, дыхание Эммы, тиканье дешёвых часов на при-
кроватной тумбе. Элиас резко сел, грудь тяжело поднималась, а горло действительно пере-
сохло. Он долго сидел, прижав ладони к лицу.

Сны всегда исчезали слишком быстро. Стоило проснуться — и они начинали рассы-
паться, как истлевший уголь сквозь пальцы. Но чувство оставалось... Словно во сне он увидел
нечто очень важное, и снова не успел понять что. Рядом пошевелилась Эмма.

Не открывая глаз, она тихо пробормотала:

— Эли...

Он посмотрел на неё, осторожно убрал рыжую прядь, упавшую ей на лицо.

— Спи.

Она едва заметно кивнула во сне и снова затихла. Элиас нащупал телефон.

07:18.

Он ещё несколько секунд сидел неподвижно, потом бесшумно поднялся с кровати, натянул джинсы, свитер и тёмную куртку. Не включая свет, вышел в прихожую.

Когда дверь за его спиной тихо закрылась, холодный воздух мгновенно ударил в лицо и он вдохнул полной грудью. Элиас впервые за долгое время почувствовал не тревогу, а желание идти. Без цели, пока ноги сами не приведут его туда, где мысли наконец перестанут шуметь. Он вспомнил вчерашнюю улыбку Лео, его слова.

“Если захочешь выпить действительно хороший кофе — заходи.”

Элиас невольно усмехнулся. Кофе ему сейчас был нужен меньше всего, ему нужен был человек, который не станет смотреть на него с жалостью. Потому что жалости за последние полгода он уже получил больше, чем заслуживал. И, сам того не замечая, он свернул на улицу, ведущую к старому Atlantic House. Серое зимнее утро медленно поднималось над Провинстауном, а океан всё так же размеренно дышал за последними домами, будто терпеливо наблюдал, как человек, сам того не понимая, делает первый шаг навстречу собственной судьбе.

Старое здание Atlantic House оказалось именно таким, каким Элиас представлял его ещё вчера. Низкое, кирпичное, с потускневшей белой краской и широким радужным флагом над входом. Казалось, само время здесь двигалось медленнее, дом выглядел так, будто пережил не одно поколение людей и теперь наблюдал за ними с усталой снисходительностью.

Элиас остановился. Справа от клуба действительно находилась небольшая дверь, матово-чёрная. Настолько чёрная, что выглядела почти инородной среди светлых фасадов Провинстауна. На ней белой краской были выведены несколько логотипов:

«Burzum», «Darkthrone», «Isengard»

Чуть ниже — совсем свежий, ещё не успевший облупиться логотип

«Ashen Light»

Элиас невольно усмехнулся.

— Очень гостеприимно...

Он постучал, но ответа не последовало. Постучал ещё раз. Тишина. Он осторожно нажал на ручку, и дверь оказалась незапертой. Первым, что он почувствовал, был запах масляной краски, скипидара и кофе. Из глубины мастерской доносилась музыка. Низкие гитары, размеренные барабаны, хриплый голос, больше похожий на далёкое рычание, чем на пение. Элиас не смог разобрать ни слова. Да и сомневался, что слова там вообще были нужны. Помещение оказалось неожиданно просторным, почти всё свободное место занимали холсты. Большие, маленькие, законченные, перевёрнутые к стене, натянутые на подрамники и просто прислонённые друг к другу. Они стояли повсюду так плотно, словно мастерская медленно зарастала картинами. У окна возвышался старый деревянный мольберт, покрытый таким количеством засохшей краски, что сам уже походил на абстрактную скульптуру. На полу лежали раскрытые тюбики, кисти, несколько карандашей, тряпка, пара медиаторов, и стопка виниловых пластинок, прислонённых к ножке стола. Элиас машинально прочитал названия: «Coffin Storm», «Morbid», «Apraxia».

На книжной полке соседствовали альбомы Кандинского, книги по композиции, сборник скандинавских саг, потрёпанный справочник по морским водорослям и толстый определитель птиц Новой Англии.

Элиас поднял бровь.

— Даже так...

Элиас поймал себя на мысли, что никогда ещё не видел мастерской, настолько похожей на своего хозяина. На подоконнике стояла небольшая деревянная фигурка Одина. Одноглазый старик с копьём выглядел не как сувенир, а как вещь, которую давно перестали замечать. Возле него лежали гладкие морские камни, несколько сосновых шишек и маленькая веточка можжевельника, перевязанная чёрной нитью. Элиас провёл взглядом дальше. Рабочий стол выглядел так, как если бы на нём одновременно творили художник, писатель и человек, храни-

чески не умеющий выбрасывать вещи. Открытые скетчбуки, испачканные кофе листы, пустая кружка, канцелярский нож, старая плёночная камера, и множество карандашей разной длины. На самом краю столешницы ножом были вырезаны руны. Неглубоко, и выглядели так, будто их вырезали много лет назад. Элиас машинально провёл по ним пальцами, дерево было гладким, отполированным временем. Рядом лежал раскрытый блокнот. На плотной бумаге графитовым карандашом был нарисован молот. Не строительный, правильный, а живой, тяжёлый. Рукоять переплеталась с узлами, напоминающими водоросли, по краям листа тянулись лёгкие карандашные пометки. Руны, быстрые наброски, какие-то композиционные линии. Элиас наклонился ближе.

— Любишь рассматривать чужие вещи?

Голос прозвучал совсем рядом. Элиас вздрогнул и резко обернулся. Лео стоял в дверном проёме, прислонившись плечом к косяку, в белой футболке и серых камуфляжных штанах. Чёрные влажные волосы свободно спадали почти до пояса, несколько прядей закрывали половину лица, но он вовсе этого не замечал. Он выглядел так, словно только что вышел из душа. И совершенно не был удивлён незваному гостю.

— Дверь была открыта, — спокойно сказал Элиас. — И ты сам вчера пригласил меня.

— Пригласил. Но не думал, что ты проснешься так рано и придёшь в восемь утра.

Элиас улыбнулся.

— Я вообще не ложился.

— Плохой знак.

— Почему?

— Потому что бессонница редко делает людей приятнее.

Он подошёл к столу и заметил, куда смотрит Элиас.

— А, Мьёльнир.

Он осторожно закрыл блокнот. Без раздражения, скорее машинально.

— Это для выставки?

— Нет.

— Тогда зачем рисовал?

Лео пожал плечами.

— Иногда идеи приходят просто потому, что им скучно сидеть в голове. — Он улыбнулся.

— А иногда потому, что художник не умеет спать.

Повисла короткая пауза. Из колонок продолжал звучать негромкий блэк-метал, Элиас прислушался.

— Что играет?

— Darkthrone.

— Это музыка?

Лео посмотрел на него совершенно серьёзно. Несколько секунд молчал.

Потом кивнул.

— Нет.

Пауза.

— Это норвежцы.

Элиас тихо рассмеялся.

Лео тоже.

Напряжение, с которым Элиас вошёл в мастерскую, вдруг стало меньше, словно этот странный человек с длинными волосами, рунами на столе и тяжёлой музыкой вовсе не пытался произвести впечатление. Он просто жил. И именно поэтому ему неожиданно хотелось верить.

Часть II

Лео поставил пакет из пекарни на стол и молча прошёл в соседнюю комнату. Через несколько секунд оттуда донёсся шум кофемолки.

— С сахаром?

— Нет.

— Правильно.

— Почему?

— Он убивает кофе.

Голос Лео звучал совершенно спокойно, словно они были знакомы уже несколько лет, и Элиас невольно поймал себя на мысли, что чувствует себя здесь удивительно свободно. Странно. Обычно новые люди быстро его утомляли, приходилось думать, что говорить, как выглядеть, какое впечатление производить. Рядом с Лео этого желания почему-то не возникало. В мастерской вообще было ощущение, будто никто никому ничего не должен.

Через минуту художник вернулся. В руках он держал две тяжёлые тёмно-зелёные кружки. Керамика была шероховатой, местами покрытой мелкими трещинами.

— Осторожно. Очень горячий.

Он протянул кружку Элиасу, тот сделал первый глоток. Кофе оказался почти горьким, без сиропов и без молока.

— Неплохо.

Лео сел прямо на край рабочего стола, свободно свесив ноги вниз. Он отпил кофе и некоторое время молча смотрел в окно. За стеклом ветер раскачивал телефонные провода, по пустой улице неторопливо прошла женщина с собакой, над крышами лениво кружили чайки.

— Любишь здесь работать? — спросил Элиас.

— Зимой? Да, очень.

— А летом?

— Терпеть не могу.

Элиас вопросительно посмотрел на него. Лео усмехнулся.

— Летом город принадлежит туристам. Все счастливые, все фотографируют закаты, все ищут “настоящий Провинстаун”. — Он изобразил пальцами кавычки. — Забавно наблюдать, как люди приезжают искать место, которого давно не существует.

— А зимой?

— Зимой город снова становится собой.

Повисла тишина, Элиас обвёл взглядом мастерскую. Теперь, когда глаза привыкли к полумраку, он начал замечать новые детали. На одной из стен висела большая незаконченная картина. Сначала казалось, что это обычный океан. Но чем дольше он смотрел, тем меньше понимал, где заканчиваются волны и начинаются человеческие силуэты. Океан словно состоял из людей. Или люди — из океана. Он не был уверен.

— Это...

Лео даже не обернулся.

— Не смотри слишком долго.

— Почему?

— Начинает казаться, что картина меняется.

Элиас снова перевёл взгляд на холст.

— Меняется?

— Конечно нет.

Лео улыбнулся.

— Но почти каждый спрашивает. — Он усмехнулся, — Люди очень любят мистику. Особенно когда можно объяснить этим хорошую живопись.

Элиас тоже невольно улыбнулся.

— Ты никогда не бываешь серьезным.

— Конечно.

— Почему?

Лео задумался.

— Наверное... Потому что серьезных людей слишком легко сломать.

Элиас посмотрел на него. Эта фраза прозвучала совсем иначе, чем предыдущие, без улыбки, без иронии, как если бы сорвалась случайно.

Но уже через секунду Лео снова стал прежним.

— Кстати... — Он кивнул на дверь. — Я так и не спросил. Как Эмма?

— Нормально. Она очень терпеливая. — Элиас тихо усмехнулся. — Даже слишком.

Элиас опустил взгляд в кружку, пар медленно растворялся в прохладном воздухе.

— Она устала.

— Конечно устала.

— Я подвёл её.

Лео покачал головой.

— Нет. Ты пока только боишься её подвести, это разные вещи.

Элиас долго молчал, потом неожиданно спросил:

— Ты знал мою мать?

Лео медленно поставил кружку на стол.

— Нет. Но мой отец знал.

— Хорошо?

— Они были друзьями, вроде бы... Или просто занимались искусством вместе. Мой отец многое рассказывал о ней.

Лео поднял взгляд.

— Он говорил, что она никогда не входила в комнату тихо. А ещё у неё было странное свойство... После неё всегда хотелось что-нибудь создать. Написать, нарисовать... Хотя бы переставить мебель.

Элиас невольно улыбнулся. Это было первое воспоминание о матери, которое не заканчивалось её смертью. И именно поэтому оно оказалось неожиданно болезненным.

— Она действительно была хорошим драматургом?

Лео тихо фыркнул.

— Нет.

Элиас удивлённо поднял голову. Лео выдержал паузу, потом улыбнулся.

— Она была выдающимся драматургом. И, если честно... Я до сих пор думаю, что то, что ты пишешь, немного похоже на неё.

Элиас замер.

— Ты читал мои сценарии?

— Один. Случайно, через знакомого продюсера. Он сказал: «Прочитай. Парень либо станет великим, либо больше никогда ничего не напишет.»... Я тогда подумал, что он драматизирует. Оказалось... Не очень.

Лео пожал плечами. Некоторое время они молчали, музыка негромко заполняла мастерскую, смешиваясь с шумом ветра за окном. Где-то на улице хлопнула дверь, затем снова стало тихо. Элиас сидел, грея ладони о кружку, кофе уже начал остывать.

— Если честно... — наконец сказал он. — Я приехал сюда не только из-за сценария.

Лео слегка улыбнулся.

— Я догадался. Люди редко уезжают на край земли, когда у них всё хорошо.

Элиас тихо усмехнулся.

— Так заметно?

— Очень. — Он сделал глоток кофе. — У тебя взгляд человека, который постоянно перед кем-то извиняется.

Элиас опустил глаза. Эта фраза попала слишком точно.

— Наверное...

— Перед Эммой?

Он кивнул.

— И перед собой.

Лео ничего не ответил. Он ждал. И почему-то именно это молчание оказалось самым располагающим. Элиас вдруг понял, что уже давно не рассказывал никому правду. Не ту красивую версию, которую слышали журналисты. Не ту осторожную, которую слышала Эмма, а настоящую.

— Полгода назад мне казалось, что всё только начинается. Мой сценарий купили, продюсеры звонили почти каждый день. Все говорили одно и то же. “Следующая работа будет ещё лучше.” — Он горько усмехнулся. — А следующей работы просто не случилось. Каждое утро я открывал ноутбук, иногда писал страницу, через час удалял. Потом перестал писать вообще.

Лео внимательно слушал. Не перебивал, не кивал с понимающим видом, просто слушал.

— Самое отвратительное знаешь что?

— Что?

— Я ведь всё ещё вижу истории. Они никуда не исчезли. Иногда я смотрю на человека... И сразу понимаю, каким он был десять лет назад, о чём он врёт, чего боится, как закончится его жизнь. Я всё ещё это чувствую. Но стоит открыть документ... И я больше не могу сложить слова.

Лео медленно поставил кружку.

— Значит, дело не в таланте.

— Тогда в чём?

— В страхе.

Элиас нахмурился.

— Думаешь, всё так просто?

— Нет, наоборот. Очень сложно. Потому что страх редко выглядит как страх, чаще всего он надевает маску профессионализма. Ты начинаешь говорить себе: “Это недостаточно хорошо.”, “Это посредственно.”, “Я могу лучше.” — Он слегка наклонился вперёд. — И однажды замечаешь, что уже несколько месяцев не написал ни строчки. Не потому что не умеешь, а потому что решил сначала стать идеальным.

Элиас долго смотрел на него, потом тихо спросил:

— Откуда ты всё это знаешь?

Лео улыбнулся. Усталой улыбкой.

— Потому что пять лет назад я сидел точно так же.

Он встал и неторопливо подошёл к одному из больших холстов. На картине были только серые мазки, почти ничего больше.

— Это моя работа того времени.

Элиас подошёл ближе.

— Она незаконченная?

— Нет. Она законченная. Просто плохая. — Он провёл пальцами по засохшей краске. — Тогда я был уверен, что потерял всё, что больше никогда ничего не нарисую. Каждая новая работа становилась хуже предыдущей. Я ненавидел себя. Даже запах краски начал раздражать.

Элиас тихо сказал:

— Очень знакомо.

— Конечно. Мы же занимаемся одним делом, только разными инструментами. — Лео усмехнулся. — Ты рисуешь словами. Я — цветом.

Он подошёл к старому деревянному шкафу и открыл дверцу. Некоторое время что-то искал, а потом достал небольшую стеклянную баночку. Совсем обычную, без этикетки, без подписи. Внутри лежали тёмно-зелёные капсулы, почти чёрные, они напоминали маленькие кусочки спрессованных водорослей. Лео поставил банку между ними.

— Вот.

Элиас нахмурился.

— Что это?

— Это... У них нет названия. — Он усмехнулся. — Забавно. Нашли средство, которое меняет жизнь художников и писателей, а название придумать так и не смогли... Это таблетки из каких-то водорослей.

Элиас осторожно взял баночку и покрутил её в руках.

— “Каких-то”? Ты серьёзно? И ты не знаешь, что принимаешь?

— Знаю результат. Остальное меня никогда особенно не интересовало.

Элиас недоверчиво посмотрел на него.

— Это наркотик? Стимулятор?

— Нет.

— Тогда что?

Лео пожал плечами.

— Хороший вопрос. — Он снова отпил кофе. — Мой отец каждую зиму запирался почти на три месяца. Весной возвращался с новыми сценариями, книгами, пьесами. Он работал так, будто времени у него оставалось всего неделя. Я долго пытался понять, как у него это получается... А однажды он просто дал мне одну такую капсулу и сказал: “Попробуй.”

Элиас всё ещё держал баночку.

— И?

Лео усмехнулся.

— Через час я написал три картины. Не просто набросал или придумал. Написал. Полностью.

Элиас фыркнул.

— Да ты шутишь.

— Если бы я шутил... — Лео посмотрел на него со спокойным выражением лица — Я бы сказал, что принимать их нужно ректально.

Элиас не выдержал и посмеялся.

— Придурок.

— Спасибо. Это мой любимый комплимент.

Смех неожиданно разрядил напряжение, и именно поэтому следующие слова Лео прозвучали почти буднично...

— Они действительно работают.

Элиас перестал улыбаться.

— А побочные эффекты?

— Конечно есть.

— Какие?

Лео сделал вид, что задумался.

— Ну... Внезапно появляются деньги, премии, люди начинают говорить, что ты гений, приходится покупать шкаф для наград. Ужасная жизнь!

— Я серьёзно.

Улыбка медленно исчезла с лица Лео.

— Я тоже.

Повисла тишина. Он посмотрел на баночку, потом на Элиаса, и впервые за весь разговор сказал абсолютно серьёзно:

— Иногда мне кажется, что за настоящий талант всегда приходится чем-то платить. Просто большинство людей замечает цену слишком поздно.

Элиас долго смотрел на баночку. Тёмные капсулы лежали неподвижно, почти безобидно. Они не светились, не источали странного запаха, не выглядели чем-то мистическим. Скорее напоминали дешёвые витамины из аптеки, но от этого становилось только тревожнее.

— И ты хочешь сказать... это действительно сработает?

Лео пожал плечами.

— Я ничего не хочу сказать.

— Но ведь сказал.

— Нет. Я рассказал, что произошло со мной и моим отцом. Это разные вещи.

Элиас медленно покрутил баночку между пальцами. Стекло было прохладным, настолько обычным, что хотелось рассмеяться. Полгода отчаяния. Полгода бессонных ночей. Полгода страха перед собственным ноутбуком.

И вдруг всё это помещалось в ладони.

— Если бы всё было так просто...

— Тогда этим пользовались бы все.

— Именно.

Лео усмехнулся.

— Нет. Люди боятся простых решений сильнее, чем сложных. Им обязательно нужно страдать, иначе они не поверят, что заслужили успех.

Элиас поднял взгляд.

— А ты?

— Что я?

— Ты веришь, что заслужил?

Лео неожиданно рассмеялся.

— Конечно нет. Поэтому я и перестал задавать себе этот вопрос. — Он поднялся со стула, подошёл к одному из холстов и машинально провёл ладонью по деревянной раме.

— Посмотри вокруг. Что ты видишь?

Элиас оглядел мастерскую.

— Картины.

— Нет. Попробуй ещё раз.

Элиас снова посмотрел. Незаконченные портреты, океанский берег, абстракции, океан, старые эскизы, десятки испачканных кистей, следы краски на полу, надрезы от ножа на деревянном столе, кружка с засохшими от краски кистями, несколько книг по мифологии, деревянная фигурка Одина, вырезанная настолько грубо, что казалось, она пережила не одну зиму. Всё выглядело обжитым. Настоящим.

— Человека, — наконец сказал Элиас.

Лео кивнул.

— Именно. Люди думают, что художника определяют картины. Нет. Его определяет то, что происходит между картинами. Сколько раз он хотел бросить, сколько раз начинал сначала, сколько раз ненавидел собственные руки. — Он улыбнулся. — Знаешь, что самое смешное?

— Что?

— Я до сих пор почти каждую новую работу считаю отвратительной. Иногда я заканчиваю картину и думаю: «Наконец-то получилось». А потом утром смотрю на неё и хочу выбросить вместе с мольбертом.

Элиас невольно усмехнулся.

— Правда?

— Конечно. Если однажды я посмотрю на свою картину и скажу: “Ну всё. Идеально.”, Значит, пора прекращать рисовать. Совершенство — очень скучная вещь.

Элиас снова посмотрел на баночку.

— Тогда зачем тебе... — Он запнулся. — ...это?

Лео ответил не сразу. Несколько секунд он молчал, потом спокойно произнёс:

— Потому что иногда дверь внутри тебя просто заклинивает. И неважно, насколько ты талантлив. Ты можешь хоть всю жизнь стоять перед ней, но не откроешь. — Он слегка постучал пальцем по стеклянной баночке. — Иногда нужен ключ. Только и всего.

— Слишком философски.

— Я художник. Нам положено иногда раздражать людей.

Элиас покачал головой.

— Нет... Здесь что-то не так. Не бывает вещей, которые делают человека гениальным.

Лео спокойно кивнул.

— Возможно, они не делают тебя гениальным. Они просто убирают всё лишнее. Страх, сомнения, шум. И остаётся только то, что всегда было внутри.

Эти слова задели сильнее всего. Потому что именно этого Элиас боялся. Не потерять талант, а узнать, что никакого таланта никогда не существовало. Он тихо поставил баночку обратно на стол.

Лео посмотрел на него и продолжил...

— Ты сам выбрал свою жизнь. Ты мог бы стать рекламщиком, или врачом, да кем угодно... Но ты решил стать писателем. Ведь ты не просто живешь в этом мире... Ты пытаешься перевести его на язык, который поймут другие. Ты выбрал эту профессию, потому что это единственное, что может заполнить пустоту в твоей душе.

Элиас отвел взгляд от баночки и посмотрел на художника.

— Не хочу принимать безвозвратные решения.

Лео никак не отреагировал.

— Нет?

— Я не могу.

— Хорошо.

Лео просто забрал баночку. Без разочарования, без попытки переубедить. Положил её обратно в шкаф и закрыл дверцу.

— Всё?

— Всё.

Элиас удивлённо посмотрел на него.

— Ты даже не будешь меня уговаривать?

— Зачем?

— Ну... Разве ты не хотел, чтобы я попробовал?

Лео улыбнулся.

— Хотел. Но не настолько, чтобы решать за тебя. Каждый творческий человек имеет право разрушить себя самостоятельно.

Повисла тишина. За окном пролетела чайка и её крик прозвучал неожиданно громко. Элиас поставил кружку в раковину и натянул куртку.

— Спасибо за кофе.

— Не за что.

Он уже взялся за ручку двери.

И вдруг услышал спокойный голос Лео:

— Элиас.

Он обернулся.

Лео стоял, засунув руки в карманы, совершенно расслабленный.

— Ты настоящий писатель?

— Мне нравится так думать.

— А я так не думаю. Был бы ты настоящим, ты бы сделал что угодно, чтобы выйти из застоя. Ты бы скорее умер, чем удерживал бы все эти слова внутри себя.

Лео не улыбался, не давил. Он просто подошёл, молча достал из шкафа стеклянную баночку, на дне которой лежали две таблетки, положил её в карман куртки Элиаса и слегка хлопнул ладонью по ткани.

— Не принимай сейчас. Просто походи с ней. Иногда человеку нужно сначала привыкнуть к мысли, а уже потом — принять решение.

Элиас хотел вернуть её, но почему-то не сделал этого. Он вышел на улицу. Карман пальто стал неожиданно тяжёлым, словно в нём лежала не стеклянная баночка, а возможность прожить совсем другую жизнь. И всю дорогу домой он ловил себя на одной мысли, которую пытался отогнать:

“А если он не соврал?”

Часть

III

Дорога до дома показалась удивительно короткой, будто город сам решил не оставлять Элиаса наедине с собственными мыслями слишком долго. Он шёл медленно, засунув руки в карманы пальто. Пальцы всё время касались холодного стекла. Баночка была совсем маленькой, но ощущалась тяжелее кошелька, телефона и ключей вместе взятых. Иногда ему казалось, что он чувствует её даже тогда, когда убирал руку.

Возле дома чайка сидела на почтовом ящике. Она внимательно посмотрела на Элиаса, потом громко крикнула и, лениво взмахнув крыльями, перелетела на почтовый ящик соседей.

— Даже ты осуждаешь меня?— тихо усмехнулся он.

Чайка равнодушно отвернулась.

Дом встретил его запахом свежего хлеба и корицы. Эмма уже проснулась. На кухне тихо играло радио, она стояла у плиты спиной к двери в длинном домашнем свитере, собранные волосы открывали шею. Элиас вдруг поймал себя на мысли, что за последние месяцы почти перестал смотреть на неё. Не потому, что разлюбил. Наоборот. Потому что смотреть становилось всё больнее. Каждый раз он видел женщину, которая тащила их обоих. И каждый раз чувствовал себя человеком, который только увеличивает груз.

— Доброе утро, — сказал он.

Эмма обернулась к мужу и улыбнулась. Совсем немного. Той улыбкой, которую надевают прежде, чем спросить что-то неприятное.

— Доброе. Гулял?

— Да.

Она кивнула. Несколько секунд они молчали, потом Эмма осторожно спросила:

— И... Получилось?

Элиас сразу понял, что она спрашивает совсем не о прогулке. Он отвёл взгляд на кухонный стол, на вазу, на раскрытую детскую книгу с её иллюстрациями. Куда угодно, только не на неё.

— Нет.

Улыбка исчезла. Эмма медленно вытерла руки полотенцем.

— Но ты ведь сказал, что начнёшь здесь.

— Я пытался.

Она закрыла глаза. На секунду, будто считала про себя. Элиас уже знал этот жест, так она успокаивала себя.

Но сегодня это почему-то не помогло.

— Элиас... Я очень долго старалась быть терпеливой.

Он молчал.

— Полгода. Полгода я говорила тебе, что всё будет хорошо, убеждала тебя, что талант никуда не исчезает, работала за двоих. Полгода слушала, что тебе просто нужно немного времени. — Она посмотрела ему прямо в глаза. — Сколько ещё?

Ответа не было.

— Неделю? Месяц? Год? Ребёнок не скажет: “Мама, ничего страшного, папа сейчас переживает творческий кризис, я подожду.”. Он родится тогда, когда родится. И счета приходят тогда, когда приходят.

Голос Эммы дрожал. Не от истерики, а от усталости, той, которая копится медленно.

— Ты думаешь, мне важно, пришло к тебе вдохновение или нет? Нет, Элиас. Мне важно, что ты перестал бороться. Ты каждое утро открываешь ноутбук так, будто заранее знаешь, что проиграешь.

Он почувствовал, как внутри всё сжимается.

— Я не могу заставить себя писать.

— Нет, можешь. Ты не можешь заставить себя написать идеально. Это разные вещи. — Она подошла ближе, теперь между ними оставался всего шаг. — Помнишь, каким ты был после первого сценария? Ты говорил без остановки, записывал мысли на салфетках. Ты жил этим. А сейчас... — Она обвела рукой комнату. — Сейчас ты живёшь воспоминаниями о том человеке. Будто он умер.

Элиас хотел что-то сказать, но она не дала.

— И знаешь, что самое страшное? Я начинаю думать... Может быть... Тот сценарий вообще был случайностью.

Он вздрогнул. Она увидела это, и всё равно продолжила. Потому что уже не могла остановиться.

— Может быть, ты всё время жил за счёт одной удачной истории. Может быть, ты уже рассказал всё, что хотел сказать. Может быть... Это был предел.

В комнате стало очень тихо. Эмма тяжело дышала, её глаза уже были влажными, но слёз ещё не было. Она отвернулась.

— Я устала, Эли. Я очень устала.

Она вышла из кухни, дверь закрылась негромко. Без хлопка. От этого стало только хуже. Элиас ещё долго стоял неподвижно.

Потом медленно подошёл к ноутбуку и открыл крышку. Белый экран. Чистый документ. Мигающий курсор. Он долго смотрел на него.

Пальцы лежали на клавиатуре не двигаясь, в голове снова была пустота. Не отсутствие мыслей. Хуже. Их бесконечное количество. Они сталкивались друг с другом, как птицы в густом тумане, ломали крылья и падали, не успев превратиться в слова. Элиас закрыл лицо ладонями. Он больше не чувствовал ни злости, ни обиды. Только страх. Липкий, холодный, почти физически ощутимый. В кармане куртки что-то тихо стукнуло о деревянную спинку стула. Баночка. Он медленно достал её и оставил рядом с ноутбуком. Долго смотрел. Потом вспомнил слова Лео.

“Ты ведь не просто живёшь в этом мире.

Ты видишь его.

Ты выбрал эту профессию, потому что это единственное, что может заполнить пустоту в твоей душе.”

Элиас открыл баночку, внутри лежали тёмно-зелёные капсулы, самые обычные. Он взял одну двумя пальцами, поднёс к свету. Ничего. Никакого свечения, никакой мистики. Только спрессованные водоросли. Он горько усмехнулся.

— Господи... Во что я вообще собираюсь поверить?

Ответа не было, только ветер за окном и тихое дыхание дома. Элиас ещё несколько секунд смотрел на капсулу.

Потом закрыл глаза и проглотил её без воды. Она царапнула горло и исчезла. Он сидел неподвижно, первые несколько секунд ничего не происходило.

— Вот и всё... — прошептал он. — Какой же я идиот...

Он уже собирался закрыть ноутбук... Когда заметил, что курсор на экране вдруг перестал казаться мигающей насмешкой. Теперь он был похож на приглашение.

Элиас медленно положил руки на клавиатуру и нажал первую клавишу.

Глава 4. Прилив.

Часть I.

Ночь снова оказалась холоднее, чем обещал океан.

Маргарет проснулась ещё до рассвета. Потому, что холод умел будить лучше любого будильника. Он медленно поднимался от пола, заползал под несколько старых одеял, пропитывал одежду и становился частью тела. Она долго лежала неподвижно. Сквозь щель в заколоченном окне просачивался серый свет. Его было так мало, что он не освещал комнату, а лишь напоминал, что мир снаружи всё ещё существует.

Дом тихо потрескивал. Старые доски разговаривали между собой так, как разговаривают только очень старые вещи — медленно, неохотно, вспоминая язык, на котором говорили ещё до появления людей. Когда-то здесь жили рыбаки. Она знала это не потому, что ей рассказывали. Дом сам рассказывал. Толстые балки до сих пор пахли солью, под самым потолком висел ржавый крюк, на котором когда-то сушили сети, на полу местами ещё сохранились глубокие царапины от тяжёлых деревянных ящиков с рыбой. Теперь здесь жили только ветер, сырость... и она.

Маргарет медленно села и старый пол под матрасом жалобно скрипнул. На полу стояла кружка с чаем. На поверхности плавала тонкая мутная плёнка. Она уже не помнила, сколько дней собиралась его вылить. Рядом лежал альбом и она машинально открыла его.

Одни наброски. Руки, лица, маяк, океан, чайки. Все незаконченные. Она провела пальцем по карандашной линии.

— Разучилась...

Это прозвучало почти спокойно.

Когда-то она могла провести линию так, что человек начинал слышать ветер, просто глядя на рисунок. Теперь ей казалось, что карандаш стал тяжелее. Она закрыла альбом.

За стеной шумел океан. Он никогда не молчал, даже в самые тихие дни слышалось его дыхание. Маргарет иногда думала, что океан похож на огромное спящее животное. Не злое, просто слишком древнее, чтобы замечать человеческую жизнь. Она подошла к окну, между досками открывалась узкая полоска берега.

Прилив медленно поднимался, вода терпеливо стирала вчерашние следы. Следы чаек, собак, людей. Океан всегда забирал их себе.

— Снова... — тихо сказала она. — Ты никогда не оставляешь доказательств.

Она не знала, кому говорит. Океану, городу, или самой себе.

Позади послышалось сонное ворчание.

— Ты опять разговариваешь с водой?

Маргарет даже не обернулась.

— Она хотя бы иногда отвечает.

Из-под старого одеяла показалась голова. Молодой парень — едва ли старше двадцати пяти. Он двигался лениво, словно тело ещё спало, а глаза уже давно привыкли просыпаться раньше него.

Мак медленно сел, светлые волосы торчали во все стороны.

— Если она тебе ответит, позови меня. Я хочу познакомиться.

Маргарет впервые за утро едва заметно улыбнулась.

— Уже знаком.

— Правда?

— Она тебя вчера насквозь промочила.

— Это была очень токсичная форма знакомства.

Мак зевнул, потом оглядел комнату. Холодная печь, кружка со старым чаем, несколько поленьев, которых хватило бы максимум на вечер.

Он тяжело вздохнул.

— Сегодня заработаю.

— Не надо.

— Надо.

— Не сегодня.

— Маргарет... — Он посмотрел на неё с привычной усталой улыбкой. — Мы не можем питаться философией.

Она ничего не ответила. Мак уже давно научился различать это молчание. Так она молчала только тогда, когда действительно боялась.

Он встал и подошёл к окну. За стеклом медленно поднималась вода.

— Красиво.

— Нет. — Резко ответила она.

— Почему?

— Прилив.

— И что?

Она долго смотрела на океан, потом очень тихо сказала:

— Всё плохое в этом городе приходит вместе с приливом.

Маргарет продолжала смотреть туда, где серая вода медленно приближалась к берегу. И впервые за долгое время ей захотелось, чтобы он ошибся.

Мак наконец раздул слабый огонь в печке и сел на пол, вытянув ноги к теплу. Старые доски под ним тихо скрипнули. Дом отвечал звуками на любое движение, словно был слишком стар, чтобы хранить молчание.

Он протянул руки к огню и поморщился.

— Когда-нибудь я стану богатым, — пробормотал он. — Куплю тебе дом с отоплением.

Маргарет не отвела взгляд от окна.

— Зачем?

— Чтобы ты перестала разговаривать с дырками в стенах.

— Я не разговариваю с дырками.

— Ну да. Только с водой.

Она впервые за утро посмотрела на него.

— Океан мне отвечает.

Мак тихо усмехнулся.

— Вот поэтому у тебя и нет друзей.

— У меня есть ты.

Он хотел ответить очередной шуткой, но неожиданно промолчал. В комнате снова стало слышно только потрескивание сырых дров.

Мак никогда не понимал, почему не ушёл от неё. Иногда ему казалось, что должен был. Любой нормальный человек давно бы ушёл. Все остальные жители города именно так и поступали. Одни переходили на другую сторону улицы, увидев Маргарет, другие смеялись ей вслед, третьи просто делали вид, что её не существует. Он тоже мог. Но не сделал этого.

Возможно, потому что когда-то в прошлом сам выглядел почти так же. Три года назад он лежал под старым причалом, дрожал от холода и думал, что, наверное, так и умирают люди — без громких слов, без музыки, без свидетелей. Просто постепенно перестают чувствовать пальцы. Маргарет тогда молча сняла с себя единственное сухое одеяло и накрыла его. Даже имени не спросила. С тех пор он почему-то остался. Не из жалости. Из благодарности. А потом

благодарность незаметно превратилась в привычку, привычка — в привязанность, и однажды он понял, что уже не представляет этот город без её странных разговоров с чайками и океаном.

Он поднялся.

— Ладно, философствовать мы сегодня уже начали с самого утра. Значит, пора заняться чем-нибудь постыдным.

— Ты опять в бар?

— К сожалению, женщины почему-то продолжают считать меня красивым.

Маргарет покачала головой.

— Ты мог бы работать где-нибудь ещё.

— Конечно. — Он серьёзно кивнул. — Мог бы стать адвокатом. Или стоматологом. Или астронавтом. Но судьба почему-то решила, что моя главная профессиональная компетенция — красиво улыбаться сорокалетним дамам.

Она смотрела на него долго.

— Ты смеёшься только тогда, когда тебе больно.

Мак на секунду замер, потом натянул улыбку ещё шире.

— Нет. Иногда ещё когда меня бесплатно кормят.

Он взял куртку, набросил её на плечи и уже открыл дверь, когда услышал за спиной:

— Мак.

— М?

— Не продавай всё.

Он обернулся.

— Что именно?

Маргарет подошла и коснулась пальцем его груди, там, где должно было быть сердце.

— Себя.

Мак несколько секунд молчал, потом легко улыбнулся — той самой улыбкой, которую он надевал перед работой.

— Поздно.

И вышел наружу.

Холодный воздух сразу ударил ему в лицо. Он глубоко вдохнул солёный запах океана, сунул руки в карманы и зашагал в сторону города.

Когда Мак вышел на Коммершиал-стрит, город уже проснулся. Кофейни открывали двери, хозяева маленьких магазинов выставляли на улицу деревянные таблички с сегодняшними предложениями, кто-то выгуливал собаку вдоль набережной, туристов почти не было — поздняя осень постепенно выталкивала их отсюда, оставляя город себе.

Бар начинал оживать только к вечеру. Днём здание казалось почти музейным — старые кирпичи, выцветшая краска, пустая сцена за закрытыми дверями. Но с наступлением сумерек воздух менялся. Он становился тяжелее. Гуще. Наполнялся духами, сигаретным дымом и запахом алкоголя.

Мак остановился у входа. Несколько секунд просто смотрел на дверь. Желудок привычно свело. Каждый вечер происходило одно и то же, организм сопротивлялся раньше разума. Пальцы холодели, хотелось развернуться и уйти, сесть где-нибудь на пирсе, достать блокнот, написать хотя бы страницу, хотя бы одно предложение. Но на предложения не купишь еду.

Мак посмотрел на отражение в стекле на двери... Оттуда на него смотрел молодой парень. Худой настолько, что ворот старой куртки казался шире его шеи. Пухлые губы, которые он часто кусал, когда нервничал, светлые волосы, которые торчали во все стороны, как если бы он только что выбрался из сильного ветра, под большими голубыми глазами залегли тени. Он выглядел моложе своих лет и одновременно старше. Мак натянул привычную улыбку

и посмотрел на себя. Улыбка выглядела убедительно. Он ненавидел именно это. Она получалась слишком хорошо.

Бармен даже не посмотрел в его сторону, он уже давно привык. Мак появлялся почти каждый вечер, садился на одно и то же место, заказывал самый дешёвый кофе и часами растягивал одну кружку. Ждал. Самой тяжелой частью работы было ожидание. Когда ты сидишь и понимаешь, что через несколько минут кто-то войдет, посмотрит и выберет. Словно он не человек, а вещь. Мак давно научился улыбаться именно так, как нужно. Не слишком широко, не слишком застенчиво, не слишком вызывающе. Ровно настолько, чтобы женщина подумала:

«Он рад именно мне.»

Это тоже было ремесло, почти актерское. Иногда Мак думал, что если бы существовал «Оскар» за ежедневное притворство, он бы уже давно поставил несколько статуэток на камин. Если бы у него был камин.

— Ты свободен?

Мак поднял голову, перед ним стояла женщина лет сорока. Дорогие часы, идеально выглаженная рубашка, резкий парфюм. И обручальное кольцо. Мак машинально отметил его. Почему-то почти у всех были кольца.

— Для тебя? — улыбнулся он. — Всегда.

Ложь прозвучала настолько естественно, что он сам почти поверил. Женщина улыбнулась в ответ. Именно эту улыбку Мак видел сотни раз. Будто покупали не тело, а право хотя бы пару часов не чувствовать одиночество.

— Но я не люблю, когда много разговаривают.

— Тогда мы идеально подходим друг другу. У меня даже есть идея чем занять рот, представляешь?

Та засмеялась. Мак тоже улыбнулся. Автоматически, как если бы кто-то внутри него нажал нужную кнопку.

Через час он стоял под ледяным душем. Вода стекала по плечам, по груди и спине. Он тер кожу мочалкой так сильно, словно пытался снять ее вместе с чужими прикосновениями. Иногда ему казалось, что запахи остаются под кожей, что они впитываются глубже, чем могут добраться вода и мыло. Он ненавидел прикосновения. Он ненавидел то мгновение, когда превращался в человека и превращался в услугу, будто кто-то аккуратно снимал с него личность, складывал её в шкафчик до утра, а вместо неё выдавал улыбчивую оболочку. И каждый раз после работы ему приходилось заново вспоминать, кто он вообще такой. Иногда это занимало несколько минут, иногда — несколько часов.

Он закрыл глаза и ждал, пока снова почувствует собственное тело. Пока снова станет собой. Только тогда можно было дышать.

Позже, уже сидя один в маленькой комнате для персонала, Мак закурил сигарету, нашел потрепанный блокнот и карандаш в своем рюкзаке и достал их, положил блокнот перед собой и открыл его.

Исписанные страницы, новые главы, диалоги, персонажи, целые миры. Он писал легко, иногда даже слишком легко, как если бы кто-то диктовал ему текст. Иногда он перечитывал написанное и ловил себя на мысли:

«Черт... а ведь это действительно хорошо.»

И тут же закрывал блокнот. Потому что хорошая рукопись не означала хороший контракт, и даже хороший контракт не означал хорошие продажи. Мак видел слишком много талантливых людей. Художников, музыкантов, писателей... Все они были талантливы, но почти все были бедными. Талант вообще плохо умел платить за жильё. Он умел только делать человека несчастнее, если тот не мог реализовать его. Мак медленно провел рукой по испи-

санной странице и начал писать на чистой. Сначала не думая. Просто водил карандашом по бумаге, выплёскивая на неё всё, что накопилось за день. Ровные строчки возникали на странице, быстро, без пауз, будто слова ждали, когда он наконец позволит им выйти наружу. Иногда Мак ловил себя на мысли, что это единственное, что он делает не ради денег. Просто для себя. Он писал о людях, которых встречал в баре, о старом рыбаке, который каждое утро сидел на причале с бутылкой дешёвого вина, о девушке, которая продавала цветы на углу и никогда не улыбалась, но однажды утром увидела его и улыбнулась. О Маргарет.

Он часто писал о Маргарет. О том, как она сидит в старом доме и смотрит в одну точку. О том, как она говорит вещи, которые никто не понимает, о том, что в её глазах иногда загорается свет — не безумный, а почти мудрый.

Он никому не показывал эти тексты. Даже Маргарет. Они были его секретом, его способом оставаться человеком в мире, где любое прикосновение уже было товаром.

За окном начинало смеркаться. Мак отложил блокнот, долго смотрел на написанное, потом медленно вырвал страницу и сжёг её над печельницей. Бумага свернулась, почернела и рассыпалась.

— Потом, — прошептал он. — Когда-нибудь.

Он прекрасно понимал, что снова соврал самому себе и знал, что "потом" не наступит. Он уже три года откладывал всё это на потом. И каждый день он продавал несколько часов собственной жизни и своё тело ради того, чтобы однажды получить возможность писать. Но это "потом" всё время отодвигалось ещё на день, ещё на месяц, ещё на одну зиму. Сначала нужно было выжить. Потом помочь Маргарет. Потом найти нормальную работу. Потом... "Потом" никогда не наступало, и слова, которые он написал, продолжали гореть в печельнице.

Когда дверь за последним клиентом закрылась, бар снова стал похож на обычное помещение. Как если бы ничего не произошло, стены не слышали чужих признаний, лжи и пьяных обещаний. Мак ещё несколько секунд сидел неподвижно. Потом глубоко вдохнул, медленно выдохнул, и только после этого позволил лицу расслабиться. Улыбка исчезла сразу. Он даже не заметил, как перестал её держать.

— Всё, — тихо сказал он самому себе. — Представление окончено.

Он поднялся, закинул рюкзак на плечо и вышел. На улице стало холоднее. Холодный ветер моментально выдул из головы тяжелый запах духов и дешевого виски. Мак остановился на углу, достал потрепанный черный кошелек и пересчитал деньги. Их было ровно столько, чтобы купить дров на неделю и отложить немного на еду. Меньше, чем за прошлую смену. Он убрал кошелек в карман и глубоко вздохнул.

— Ну и ладно, — сказал он. — Бывало и хуже.

Он пошёл в сторону дома, но задержался у витрины старого магазинчика. Свет внутри уже погас, а на полках темнели книги, сотни чужих историй. Он посмотрел на них, потом перевёл взгляд на своё отражение в стекле.

— Когда-нибудь я тоже напишу книгу. И она будет стоять на полке, кто-нибудь посмотрит на неё и подумает: «Кто это написал?». А я умру безвестным и нищим, как все настоящие писатели. Какая прекрасная перспектива.

Мак усмехнулся своему отражению и пошёл дальше, засунув руки в карманы.

Когда он вернулся в заброшенный дом, Маргарет уже сидела возле печки, огонь почти догорел.

Она подняла голову.

— Тяжелый день?

Мак поставил пакет с продуктами на стол.

— Такой же, как вчера.

— Ты врешь...

Он посмотрел на нее. Маргарет всегда понимала, когда он врет, даже тогда, когда сам себе он верил.

— Да. — Он устало сел рядом. — Сегодня было тяжелее. Но я принес нам еду. И ещё кое что.

— Что?

Она подвинула к нему кружку с горячей водой и Мак взял ее обеими руками.

— Счастье. Но оно просроченное.

Маргарет смотрела на него долго, потом тихо спросила:

— Ты опять писал?

Он кивнул.

— Получилось?

Мак улыбнулся, на этот раз по-настоящему.

— Кажется... да.

— Тогда почему ты выглядишь несчастным?

Он несколько секунд молчал, потом тихо усмехнулся.

— Иногда мне кажется, что Бог специально придумал искусство, чтобы проверить, сколько человек способен терпеть ради одной мечты.

Маргарет осторожно положила ладонь ему на плечо.

— Ты однажды напишешь свою книгу.

Мак посмотрел в огонь.

— Конечно.

Он улыбнулся, но теперь эта улыбка была почти незаметной.

— Сразу после того, как перестану думать, чем платить за дрова.

Часть II.

Мастерская постепенно погружалась в вечер.

За окном уже темнело. Светодиодная лента под потолком отбрасывала холодный белый свет, смешиваясь с теплым светом старого торшера возле дивана. На проигрывателе негромко играла музыка. Медленная, тяжёлая, почти гипнотическая. Не та агрессивная стена звука, которую представляли себе люди, никогда не слушавшие блэк-метал, а что-то почти медитативное — длинные гитарные партии, редкие удары барабанов и хриплый голос, растворявшийся где-то далеко за инструментами.

Мак лежал на диване, закинув руки за голову, и лениво разглядывал мастерскую. За последние месяцы он уже почти выучил её наизусть. Стеллаж с книгами по живописи, деревянный стол, весь в пятнах засохшей краски, руны, вырезанные ножом на этом столе, и поставленная рядом с окном небольшая деревянная фигурка Одина, на плечах которого сидели два ворона.

Мак всегда почему-то здоровался с ними. Сегодня тоже кивнул.

— Добрый вечер, мужики.

Лео даже не поднял голову от холста.

— Они ценят вежливость.

— Надеюсь.

Мак усмехнулся и перевёл взгляд на картину, стоявшую возле стены. В углу аккуратной белой краской было написано:

Leo Cobalt.

Он смотрел на подпись несколько секунд, потом спросил спокойно:

— А как тебя вообще зовут?

Лео продолжал рисовать.

— Лео.

— Нет.

Кисть остановилась.

— В смысле — нет?

— Ну... ты же русский. Не может же у русского человека быть имя Лео Кобальт.

Несколько секунд стояла тишина. Потом Лео тихо усмехнулся.

— Не может.

Он поставил кисть в банку с растворителем.

— И как?

Лео пожал плечами.

— Уже никак.

Мак нахмурился.

— В смысле?

— Того человека больше нет. — Он говорил спокойно. Без трагедии, как если бы рассказывал, что выбросил старое пальто. — Он остался где-то в Челябинске.

Мак улыбнулся.

— Где?

— В одном городе в России. В старом дворе на качелях.

— Очень конкретно.

Мак рассмеялся.

Лео кивнул совершенно серьёзно.

— Сидит там до сих пор. С банкой дешёвого пива. Наверное, спорит с друзьями, какая группа круче.

Мак снова засмеялся.

— И всё?

— Всё.

Лео снова взял кисть.

— Мы с ним разные люди. Поэтому уже не важно, как его звали.

Мак некоторое время молчал.

Он смотрел на длинные чёрные волосы, на татуировки, уходящие под рукава футболки, на спокойное лицо художника.

— А если кто-нибудь спросит?

— Не скажу.

— Даже мне?

— Даже тебе.

Мак улыбнулся.

— Какой же ты скрытный.

— Нет.

Лео сделал несколько быстрых мазков.

— Просто некоторые двери лучше оставить закрытыми.

В мастерской снова стало тихо, слышно было только музыку и шуршание кисти по холсту. Мак поймал себя на мысли, что ему нравится здесь молчать. С большинством людей молчание было неловким. С Лео оно было... естественным. Не нужно было изображать интерес, не нужно было улыбаться. Можно было просто существовать. Для него это было почти роскошью.

— Знаешь, — вдруг сказал Лео, не отвлекаясь от картины, — ты единственный человек, который приходит сюда и ничего не просит.

Мак усмехнулся.

— Это потому что я воспитанный.

— Нет.

Лео покачал головой.

— Потому что ты не умеешь просить.

Мак ничего не ответил, он только отвёл взгляд и впервые за долгое время почувствовал себя человеком, которого кто-то действительно увидел.

Лео поставил кружки на широкий деревянный стол.

— Осторожно.

Мак взял свою.

— Горячий?

— Нет. Просто кружка тяжёлая. Уронишь — пол пробьёт.

Мак усмехнулся.

— Тогда буду держать двумя руками.

Лео сел прямо на пол, прислонившись спиной к дивану. Он никогда особенно не любил стулья. Мак опустился рядом, вытянув ноги. В мастерской играла музыка, на проигрывателе негромко тянулись тяжёлые гитарные партии, а ветер снаружи стучал ветками по окну.

— Хорошо здесь, — тихо сказал Мак.

— Знаю.

Лео сделал глоток кофе.

— Ты сегодня опять к Маргарет?

— Конечно.

— Ты вчера тоже говорил “конечно”.

Мак посмотрел на кружку.

— Она ждёт.

Лео некоторое время молчал, потом спокойно сказал:

— Ты мог бы давно остаться здесь. — Лео пожал плечами. — Комната наверху пустая, душ работает. Деньги с тебя всё равно брать бессмысленно.

Мак усмехнулся.

— Очень заманчивое предложение.

— Это не предложение, а констатация факта. — Он спокойно посмотрел на Мака. — Если однажды надоест мёрзнуть — просто оставайся.

Мак долго ничего не отвечал, потом тихо покачал головой.

— Не получится. Потому что тогда она останется одна.

— Мак...

— Нет. — Он перебил его неожиданно мягко. — Даже не начинай это опять.

Лео поставил кружку рядом с собой.

— Я не собирался спорить.

— Собирался.

— Возможно.

Мак усмехнулся.

— Ты же видел её. Она иногда забывает есть, забывает, какой сегодня день, может просидеть у окна с утра до ночи и не заметить, что солнце уже село. Если я уйду... Она этого даже сначала не поймёт.

Лео опустил взгляд.

— А потом поймёт. И решит, что ты её бросил.

Мак кивнул.

— Да.

Они снова замолчали. Лео поднялся, подошёл к окну, поправил тяжёлую занавеску и вернулся обратно. Проходя мимо, он машинально положил ладонь Маку на затылок и слегка взъерошил его волосы. Совсем короткое движение. Мак даже не дёрнулся, наоборот, едва заметно прикрыл глаза. От этого прикосновения не хотелось исчезнуть, не хотелось мысленно оказаться где-нибудь далеко, как бывало почти каждый раз, когда чужие руки касались его кожи. Он чувствовал только тепло ладони. И спокойствие.

Лео сел рядом.

— Иногда нужно позволять кому-нибудь заботиться о тебе.

Мак тихо улыбнулся.

— Ты сейчас серьёзно пытаешься меня перевоспитать?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Потому что ты умеешь заботиться обо всех, кроме себя.

Мак усмехнулся.

Лео замолчал, потом добавил уже почти шёпотом:

— Я не хочу однажды узнать, что ты просто закончился.

Мак смотрел в кружку, пар медленно поднимался вверх. Он осторожно прислонился головой к плечу Лео. Совсем немного, будто проверяя, можно ли. Лео никак это не прокомментировал, но не отстранился. Он лишь продолжил смотреть в окно, словно это было самой обычной вещью в мире. И именно поэтому Мак почувствовал, как внутри становится немного теплее.

— Спасибо, — тихо сказал он.

— За кофе?

— Нет.

— За то, что рядом с тобой мне не приходится притворяться.

— Тогда не притворяйся.

Это были самые простые слова, но Мак почему-то запомнил их лучше любых признаний.

Мак не спал.

Он лежал на спине, глядя в потолок. Потом повернул голову к окну и посмотрел на фигурку Одина. Одноглазый старик опирался на копьё, а рядом на стене золотой краской были выведены руны. Мак видел их уже не раз, но никогда не спрашивал, что они означают. В темноте фигурка казалась почти живой.

— Лео... — тихо позвал он.

Ответа не последовало, но Мак знал, что тот не спит. У них уже была эта привычка — лежать в темноте и говорить о том, о чём при свете они бы не заговорили.

— Я сейчас подумал... А ты помнишь свою первую влюблённость?

В темноте послышалась тихая усмешка.

— К сожалению.

Мак приподнялся на локте.

— Почему «к сожалению»?

Лео перевернулся на бок, подложив ладонь под голову.

— Потому что это была катастрофа.

Мак тихо рассмеялся.

— Рассказывай.

Лео несколько секунд молчал, словно решал, действительно ли хочет отдавать эту историю кому-то ещё.

— Мне было пятнадцать. Мы тогда только начинали ходить на концерты. Помню, возвращались домой после одного метал-концерта.

— Романтично.

— Совсем нет.

Мак усмехнулся.

— Почему?

— Потому что мы были пьяные в хлам. И я всю дорогу пытался понять, что вообще происходит у меня в голове.

— А потом?

Лео улыбнулся уголком губ.

— А потом блевал в кусты.

Мак не выдержал и тихо засмеялся.

— Вот так рушатся красивые истории.

— Зато честно.

— И чем всё закончилось?

— Ничем. На следующий день я проснулся с таким похмельем, что решил больше никогда не влюбляться.

— Помогло?

— Нет.

Мак ещё улыбался. Он смотрел на лицо Лео, различимое лишь по слабому свету из окна. Почему-то именно сейчас художник казался совсем другим. Не тем Лео, которого знали в городе — уверенным, почти неуязвимым. Здесь, в темноте, не осталось и следа от его привычной маски. Только живой человек, который позволил себе не прятаться. И Мак вдруг понял, что видит его таким, каким не видел никто другой.

— Ну и зачем ты рассказал мне это? — тихо спросил Мак. — Я это представил и уже никогда не смогу воспринимать тебя всерьёз.

Лео усмехнулся.

— Потому что доверяю тебе.

Он сказал это спокойно.

— Мне не обязательно быть идеальным рядом с тобой.

Мак медленно переплёл свои пальцы с его. Он ничего не сказал, только крепче сжал его ладонь. Почему-то именно прикосновения Лео всегда ощущались настоящими. Во время работы Мак давно научился отделять себя от того, что происходило вокруг, превращаться в пустую оболочку. Но рядом с Лео это не получалось. Каждое прикосновение возвращало его обратно — в собственное тело, в настоящий момент, в самого себя. И это было страшнее любой влюблённости. Потому что именно в такие моменты он чувствовал, как сильно ему не хочется однажды потерять этого человека.

Лео уснул быстро.

Мак всегда удивлялся этой способности. Стоило художнику закрыть глаза, и мир переставал для него существовать. Ещё минуту назад он говорил о своём прошлом, а теперь его дыхание стало глубоким и ровным.

Мак лежал рядом, глядя в потолок. Он чувствовал тепло чужого плеча совсем рядом, чувствовал запах краски, табака и шампуня, которым пахли волосы Лео. Странно... наверное, именно так должен пахнуть дом. Он осторожно повернул голову. Лео спал на боку, подложив руку под голову. Длинные волосы рассыпались по подушке, во сне он выглядел немного моложе. Исчезала привычная насмешка, исчезала уверенность.

Мак невольно улыбнулся.

— Хороший ты всё-таки... — прошептал он почти беззвучно.

Ответа, конечно, не последовало. Тишину нарушал только ветер за окном.

Мак закрыл глаза. Нужно было спать, завтра снова идти работать, снова улыбаться, снова делать вид, что ему всё это нравится, снова возвращаться к Маргарет с деньгами, хлебом и какой-нибудь очередной нелепой шуткой, чтобы она хотя бы на секунду перестала смотреть в пустоту. Он попытался уснуть. Не получилось. Перед глазами снова возник сегодняшний день и Мак медленно открыл глаза.

Он вспомнил картины Лео, вспомнил, какими они были раньше и какими стали потом. Вспомнил, как люди стояли перед ними на выставках почти не двигаясь. Вспомнил статьи, деньги, успех. Мак ещё некоторое время лежал, слушая ровное дыхание Лео.

Он знал о Лео почти всё. Знал, что тот терпеть не может сладкий кофе, что зимой у него постоянно мёрзнут руки, хотя сам он никогда в этом не признается, что перед каждой новой картиной он по пять минут молча смотрит в пустой холст, словно ждёт разрешения начать.

А Лео не знал о нём самого главного. Мак никогда не рассказывал, что пишет. Не потому, что стеснялся. Наоборот. Писательство было единственным, за что ему не было стыдно. Именно поэтому он никого туда не пускал. Стоило произнести это вслух — и сразу появлялись вопросы.

“Что пишешь?”

“Можно почитать?”

“А где публикуешься?”

А потом приходилось объяснять, что нигде. Что романы заканчиваются после второй главы. Что рукописи лежат в рюкзаке. Что по ночам он пишет книги, которые никто никогда не увидит. Об этом он предпочитал молчать. Когда Лео рассказывал про Элиаса, в его голосе было столько уважения.

“Он настоящий писатель.”

Мак тогда только улыбнулся и промолчал. Наверное, если бы тогда он сказал правду... Если бы хоть раз показал Лео свой блокнот... Может быть... Нет. Он тут же оборвал эту мысль.

Он повернул голову к столу. Стеклянная баночка с таблетками стояла там. Совсем рядом. Так близко, что казалось, до неё можно было дотянуться, не вставая с кровати. Он тут же

отвернулся. Это была плохая мысль. Лео никогда не прятал вещи, не задавал лишних вопросов. Он доверял Маку.

И именно поэтому украсть сейчас было так легко.

Мак резко сел на кровати.

— Чёрт...

Он провёл ладонями по лицу. Перед глазами возникла Маргарет, её руки, постоянно красные от холода, холодная печка, пустые полки на кухне. Потом возник блокнот. Его собственный, исписанный десятками первых глав, десятками прекрасных начал. И ни одним окончанием.

“Потом.”

Он ненавидел это слово.

Потом. Когда будут деньги, когда закончится эта работа, когда станет легче, когда появится время. Этого “потом” не существовало. Он жил так уже три года и ничего не менялось. Мак снова посмотрел на Лео.

— Прости...

Слово сорвалось само, очень тихо, почти шёпотом. Он осторожно поднялся с кровати. Доски скрипнули под его весом, в ночной тишине этот звук казался слишком громким. Мак замер. Лео лишь глубоко вздохнул и перевернулся на другой бок. Мак облегчённо выдохнул и подошёл к столу. Стеклянная баночка тускло поблёскивала в свете фонаря, пробивавшемся сквозь окно, и он взял её в руки. Холодное стекло, совсем обычное. Никакой магии, никакого золотого свечения, всего лишь маленькая банка.

— Ты дал их ему... — прошептал Мак. — А мне — нет.

Он сам не понял, зачем сказал это. Наверное, потому что впервые за долгое время почувствовал укол зависти. Не к Элиасу. К тому, что Лео увидел талант в незнакомом сценаристе, а в нём видел только человека, которого иногда хотелось согреть. И от этой мысли стало неожиданно больно.

Мак крепче сжал банку.

— Если получится...

Он сглотнул.

— ...я всё тебе верну.

Это была ложь, он понял это сразу. Нельзя вернуть человеку доверие. Как нельзя вернуть ночь, которая уже закончилась. Мак осторожно сунул банку в карман джинс. Ещё раз посмотрел на спящего Лео, подошёл, несколько секунд просто стоял рядом, потом очень осторожно поправил край одеяла, который сполз с его плеча.

— Спасибо... — едва слышно сказал он.

Мак взял свою куртку со спинки кресла, надел её и вышел. За дверью его сразу встретил холодный солёный ветер. Он сунул руки в карманы, стеклянная банка ударилась о ладонь. Стало тяжело дышать. Не потому, что он боялся, что его поймают. Потому что впервые за много лет ему было по-настоящему стыдно.

И всё же он не повернул назад.

Потому что иногда желание перестать выживать оказывается сильнее, чем желание остаться хорошим человеком.

Часть III.

Мак вошёл тихо, стараясь не хлопнуть дверью.

Ветер проскользнул следом за ним вместе со снегом, и сразу исчез, будто передумал заходить. В доме было темно. Только слабый свет керосиновой лампы дрожал на стенах, превращая их в живые, неровные силуэты.

Маргарет сидела на стуле у давно потухшей печки, закутавшись в несколько старых свитеров. Услышав скрип половиц, она подняла голову.

— Долго.

— Знаю.

Мак снял куртку, стряхнул с неё снег и медленно подошёл ближе. В кармане неприятно стучала стеклянная банка. Он несколько секунд молчал, а потом осторожно достал её. Тусклое стекло поймало свет лампы, Маргарет увидела её и побледнела, как если бы увидела не банку, а человека, которого давно похоронила.

— Нет. — Сказала она почти шёпотом, — Нет... нет, Мак... убери.

Он удивлённо посмотрел на неё.

— Послушай сначала...

— Убери это! Нам это не нужно!

Она резко вскочила. Так резко, что старый стул перевернулся и с грохотом ударился о стену.

— Я не хочу это видеть!

Мак никогда не видел её такой. Обычно она говорила спокойно и тихо, странно, иногда бессвязно. Но сейчас... Она была испугана. По-настоящему. Она сделала несколько шагов назад, будто боялась, что баночка может приблизиться сама, её руки дрожали.

— Откуда... — Она судорожно вдохнула. — Где ты это взял?

— У Лео.

Маргарет закрыла лицо руками, на несколько секунд в комнате стало совсем тихо. Потом она медленно опустила ладони, в глазах появился настоящий ужас.

— Господи... — Она медленно покачала головой. — Только не снова...

— Ты знаешь, что это?

Она усмехнулась, коротко и нервно.

— Знаю? — Она резко повернулась к нему. — Я слишком хорошо знаю!

Она подошла ближе и выхватила банку из его рук. Маргарет смотрела на неё так, словно внутри лежали не капсулы, а сама смерть.

— Амелия... Она тоже однажды пришла ко мне... Такая счастливая... — Маргарет крепче сжала банку. — Сказала "...Маргарет, кажется, я нашла способ никогда больше не бояться чистого листа...". Я сказала выбросить их. А она...

Мак молча слушал. Он никогда ещё не видел Маргарет такой. Она всегда казалась странной, теперь она выглядела сломанной.

Она поставила банку на стол так осторожно, словно боялась, что та может проснуться.

— Ты не понимаешь... — Она заговорила быстро, словно пыталась успеть раньше собственных мыслей, — Они собирают их зимой... В самой холодной воде, где почти нет света... Водоросли. Их сушат. Потом что-то делают... Не знаю. Амелия знала... Она объясняла, что-то про мозг, про нейронные связи... Я уже не помню... Они работают только на талантливых людях... Если таланта нет...

Она не договорила и закрыла глаза, а потом посмотрела прямо на Мака.

— После первой таблетки... Это была уже не моя Амелия. Она улыбалась, говорила, писала даже лучше прежнего. Все вокруг были счастливы. Говорили "Посмотри, какой она

стала талантливой” А я... Я смотрела и понимала... Что её больше нет. Она говорила её голосом. Ходила её походкой. Но внутри... Она была пустой. Знаешь, чего я боюсь больше всего? — Она опустилась на пол и посмотрела на Мака, — Людей после этих таблеток. Они... Не кажутся мне живыми.

Мак осторожно сел рядом и тихо сказал:

— Но ведь Лео живой.

Маргарет покачала головой.

— Он ещё борется. Пока ещё. — Она закрыла лицо ладонями. — Его отец уже перестал.

Мак долго смотрел на банку, потом неожиданно поднялся, подошёл к углу комнаты и достал несколько холстов, прислонённых к стене.

Поставил их перед Маргарет.

— Узнаёшь?

Она подняла голову и замерла. Это были её картины. Те самые, которые она сама выбросила несколько месяцев назад. Мак нашёл их потом. На барахолке. Кто-то подобрал их, а он выкупил обратно. Маргарет медленно коснулась холста.

Пальцы дрожали.

— Они прекрасны...

— Конечно.

— Нет. — Она покачала головой. — Нет... Я тогда уже плохо рисовала...

Мак усмехнулся.

— Ты серьёзно? — Он показал на один из холстов. — Если бы я увидел это в галерее Нью-Йорка, я бы решил, что автор давно умер и стал классиком.

Она отвернулась.

— Не смей.

— Почему?

— Потому что это неправда.

— Правда. — Мак сел перед ней на корточки. — Ты гениальна, Маргарет.

Она резко отвела взгляд.

— Нет... Нет!

— Тогда почему я потратил последние деньги, чтобы вернуть твои картины?

Она ничего не ответила. Мак осторожно взял банку и покрутил её в руках.

— Ты сказала... Они работают только на талантливых.

Она кивнула.

— Да.

Он улыбнулся.

— Если мы оба талантливые?

Маргарет побледнела.

— Не надо.

— Мы могли бы выбраться отсюда.

— Мак...

— Ты снова начнёшь рисовать, я наконец закончу хоть одну книгу, мы купим тебе настоящий дом, тёплый, с печкой. Ты перестанешь мёрзнуть, а я больше не выйду в этот чёртов бар.

Она резко вскочила.

— А если нет?! — Крик ударил о стены. — Что, если у тебя нет таланта? Что тогда? Что, если они просто заберут тебя?! Что, если я снова останусь одна?!

Она уже плакала. По-настоящему, не сдерживаясь.

— Я не смогла спасти Амелию... Не смогла... Я каждый день думаю, что могла сделать что-нибудь ещё... Сказать другие слова, не отпустить её... Я уже потеряла её! Не заставляй меня терять ещё и тебя!

Мак вздохнул, потом тихо сказал:

— Оглянись вокруг. — Он медленно развёл руками. — Хуже уже не будет.

Она смотрела на него сквозь слёзы.

— Я видела, как люди теряют себя, — сказала она. — И я не хочу, чтобы ты потерял себя тоже... И я не хочу терять себя! Я не хочу быть такой же, как они!

Мак сидел в темноте, глядя на банку.

— А я хочу.

Он держал капсулу между пальцами. В этот момент он мог вернуть её обратно. Мог сделать вид, что ничего не произошло. Но усталость оказалась сильнее страха.

Мак взял баночку в руки, достал одну таблетку и проглотил её.

Ветер за окном стих.

И океан, казалось, тоже замолчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.